

ДОПРОС А. Д. ПРОТОПОПОВА

21 марта 1917 года

Содержание:

Отношение к Государственной Думе.

Поездка за границу, деятельность около события конца февраля 1917 г.

Обстоятельства назначения Протопопова министром внутренних дел.

Первая встреча с государем в присутствии Алексеева.

Травля Протопопова в связи с его предположением издавать газету.

Посещение кружка Бадмаева.

Первая встреча с Распутиным.

Продовольственная разруха.

Фактическое назначение Протопопова министром внутренних дел.

Была ли у него политическая программа?

Его отношение к Государственной Думе, к ответственному министерству, к правым партиям, к Распутину.

О 87 ст. основных законов.

О переговорах с Вартбургом в Стокгольме.

О доброте Николая II.

Вопрос о расширении прав евреев.

Протопопов о продовольственном деле, о прогрессивном движении, свободе религий.

Жалобы на травлю.

Субсидии Маркову 2-му и союзу русского народа.

О военно-промышленном комитете.

О министерстве доверия.

О контр-разведке и Манасевиче-Мануйлове.

Сближение с Распутиным.

Охрана Распутина.

Курлов.

События конца февраля.

Действия по поводу надвигавшихся событий.

О Стокгольмском совещании.

Отношение к назначению и программе Штюрмера.
Запросы губернаторам.
Распоряжение об аресте рабочих групп.
Пользование ст. 87.
Переговоры об издании газеты.
Разговоры с Распутиным.
Адрес прогрессивного блока.
Предполагавшийся роспуск Думы.
Сведения полиции о нарастании движения.
О Курлове, Бадмаеве, Распутине.
Письмо Хабалова с запрещением совещания групп.
Меры к поддержанию спокойствия.
Конкретная картина свидания с Вартбургом.
Влияние на Протопопова со стороны Распутина, Вырубовой и Андроникова.
Смещение Степанова.
Отношения Протопопова к делу убийства Распутина.
Записка Орлова.
Разговоры с Александрой Федоровной.
Грузинский съезд.
Просьбы Протопопова об увольнении.
О принадлежности Вырубовой и Распутина к одному дружескому кружку.
Посещение Царского Села.
Доклады государыне и государю, совместные собеседования с приближенными.
Государыня — истинно консервативный человек.
Признание Протопопова, что он не разобрался в настроениях Государственной Думы.
Главнейшие реформы, намеченные Протопоповым.
Отношение к Штюрмеру.
Назначение 16-ти членов в Государственный Совет.
О причинах ухода Макарова.
50.000 р., полученные от директора Соединенного Банка.
Бурдуков, Манус, Рубинштейн.

Председатель. — Александр Дмитриевич Протопопов, вы перед лицом Чрезвычайной Следственной Комиссии, которая учреждена актом временного правительства для рассмотрения и расследования преступных по должности деяний бывших должностных лиц: министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц, как гражданского, так военного и морского ведомств. Несколько позже вы будете допрошены судебным следователем, представителем следственной власти. В настоящем заседании вы имеете дать объяснение комиссии, которая заменяет, вследствие этого указа, 1-й департамент Государственного Совета. Так что дача объяснений Комиссии является не только вашим правом, но и вашей обязанностью...

Протопопов. — Слушаюсь.

Председатель. ...дабы Комиссия, выслушав ваше объяснение, имела суждение в дальнейшем о том, надлежит ли открыть предварительное следствие по поводу тех действий, которые вам могут быть инкриминируемы.

Протопопов. — Слушаюсь.

Председатель. — Так что юридическая сторона вам ясна?

Протопопов. — Совершенно ясна.

Председатель. — Так благоволите теперь дать ваше показание. В интересах сохранения времени, я должен вам в нескольких словах очертить схему этого показания, объяснения, по каким вопросам ждет от вас Комиссия, но это — рамки в видах вашего удобства и в интересах сохранения времени. Вам, конечно, если вы будете иметь объяснить что-либо Комиссии, принадлежит право расширить рамки вашего объяснения.

Протопопов. — Слушаюсь.

Председатель. — Я бы сказал, что вам надлежит объяснить Комиссии о тех обстоятельствах, при которых вы были назначены на пост министра внутренних дел, прежде всего руководствуясь, как канвой, историческим прохождением вами вашей деятельности. Значит вы попутно должны дать объяснение о ваших собственных действиях по тому основному моменту русской политической государственной жизни, которую вы знаете и мы знаем, но также попутно вы должны рассказать Комиссии о тех отношениях, в которые вы становились с высшими должностными лицами старого порядка, по поводу важных моментов государственной жизни прошлого режима. В частности, вами должно быть освещено ваше отношение к Государственной Думе, ваша поездка за границу, и затем ваша деятельность около события конца февраля настоящего года, который вам, по крайней мере в значительной мере, хорошо известен. Вот значит канва ваших объяснений, рамки. В этих пределах вам будут задаваться вопросы, на которые вы будете отвечать, но повторяю, если вы имеете чем-нибудь дополнить объяснение Комиссии, вы должны это сделать.

Протопопов. — Слушаюсь.

Председатель. — Вот после этого вы приступите к вашим объяснениям.

Протопопов. — Первый вопрос — каким образом я был назначен?

Председатель. — Да.

Протопопов. — Когда я вернулся из-за границы, то тогда я видел тогдашнего министра иностранных дел Сазонова, которому я рассказал все те замечательные происшествия, которые были с нами за границей: зачем я был оставлен, по просьбе Барка, в Лондоне, что заставило меня отстать от моих товарищей, по поводу русского займа. Затем я там же рассказал по поводу моей встречи в Стокгольме с г. Вартбургом. Весь мой рассказ показался интересным Сазонову, и он сказал, что было бы важно все это подробно рассказать государю, и затем, когда он поехал в Ставку, он, должно быть, доложил государю. Приехав обратно из Ставки, Сазонов написал мне письмо о том, что государь желает меня видеть, числа он мне не назначил и рекомендовал мне обратиться к Нератову, к своему товарищу, которого он оставил вместо себя. В это время он уехал в Финляндию, оказалось, вместо него назначен Штюрмер. Через некоторое время Штюрмер мне сказал, что государь меня вызывает в Ставку. Государь был очень ласков со мною. У меня был довольно долгий разговор с государем, в течение дня три раза и затем вечером, после обеда, он мне сказал: «А теперь мы поговорим». Я ему подробно говорил о еврейском вопросе...

Председатель. — Прежде, чем перейти к еврейскому вопросу, мне, и, вероятно, всей Комиссии хотелось бы, чтобы вы не скользили по поверхности; вы, конечно, знаете, какие вопросы нас интересуют: я просил бы вас остановить ваше внимание на этих основных вопросах. Вы говорите о мелких моментах, о переговорах со Штюрмером, что вы три раза говорили с государем, нам же интересны те обстоятельства и те влияния, которые вас привели к власти, будьте добры на это и опираться.

Протопопов. — Слушаюсь, я так и хотел. Так вот первая встреча была эта с государем. Вечером он был со мной очень ласков и сказал: «Мы успеем еще с вами поговорить».

Председатель. — Относительно еврейского вопроса?

Протопопов. — Да, потому что я его довольно широко поставил. Вот первая моя встреча с государем, при которой присутствовал Алексеев.

Председатель. — Простите, какой был повод для встречи с отрекшимся государем. Зачем вы были вызваны в Ставку?

Протопопов. — Я был вызван в Ставку для того, чтоб рассказать, как я был за границей, что там было замечательного. Я думаю, что о нашей поездке писали послы. Вероятно, это и послужило поводом, по крайней мере, это было сказано в письме Сазоновым, который писал, что государь желает меня видеть, срока не назначил, а о сроке надо спросить у Нератова.

Председатель. — Значит, вам указал на желание видеть вас в Ставке бывший министр, т.-е. тогда настоящий министр иностранных дел Сазонов?

Протопопов. — Да, у меня письмо есть, вероятно, оно цело, я много раз снимал копию с него, потому что оно мне было нужно, ибо меня сопровождала тяжелая атмосфера травли, которая началась с того, что мне хотелось издавать газету, и это — газета, которая первая заставила поднять против меня большую травлю, какой до этого я никогда не испытывал. Если я не обратил внимания на эту травлю, то только потому, что я был глубоко убежден, что дело это — дело хорошее.

Председатель. — То, что вы называете травлей, и ваша история о предположении издавать газету, это частные эпизоды, к которым мы вернемся впоследствии, а пока благоволите остаться в рамках общих, основных.

Протопопов. — После того, как я видел государя, он меня спросил, куда я еду, я сказал, что еду в Петроград, на том основании, что дела, которые без меня оставались здесь, а именно текстильный комитет, который я основал для снабжения одеждой армии, должны были притти в плохое состояние и, правда, пришли в состояние неладное. Тогда он говорит насчет одежды для армии: «Вероятно, это шло у вас хорошо, потому что я много слышал об этом». Я говорю: «Не хорошо, а было выработано 160.000 кв. арш. на одежду для армии». Потом я приехал в Петроград и пробыл недели полторы, две, я не помню точно сколько времени, а потом на короткий срок поехал к себе в деревню; затем из деревни я приехал обратно в Петроград и уже дорогой получил телеграмму о том, что мне предлагают пост министра. Я думал, что пост министра торговли и промышленности, и был этим очень счастлив, но оказалось, что не министром торговли, а министром внутренних дел. Когда, я сюда приехал, здесь я слышал об этом еще и еще раз. Слышал я у доктора Бадмаева. Есть такой доктор Бадмаев, у которого я лечился очень давно и, между прочим, я там видел несколько раз, может быть двенадцать или пятнадцать, Распутина. Я знал, что этот кружок осведомлен о предположениях, которые имеются, и действительно через некоторое время...

Председатель. — Почему вы знали, что этот кружок осведомлен?

Протопопов. — Потому что я на Распутина смотрел всегда, как на одного из влиятельных челядинцев...

Председатель. — Как?

Протопопов. — Челядинцев. Такие были люди, как, например, долго служившие при императоре Александре II, такие есть при дворе лица, которые являются влиятельными. Конечно, для меня не представляло секрета, что Распутин бывает часто при дворе и в курсе всего того, что там делается. А потом, когда я был министром внутренних дел, когда я видел его, я так себе и объяснял его влияние. Во-первых, это был не вполне нормальный, по моему мнению, человек, который действительно пользовался свойством особого взгляда; он мог на некоторых, в особенности женщин, влиять гипнотически, на маленьких тоже детей. Я лично, когда был назначен...

Председатель. — Вы опять скользите по поверхности. Ваши объяснения очень интересны, но после того, как вы изложите факты. Вы скользнули по поверхности ваших отношений к кружку Бадмаева. Вы вскользь упомянули, что вы у него лечились, вы действительно давно у него лечились, но вы его посещали не для лечения только.

Протопопов. — И для лечения.

Председатель. — Лечение нас не интересует, нас интересуют факты, касающиеся ваших отношений к кружку Бадмаева, и, значит, вопрос о назначении вашем министром внутренних дел, между прочим в этой связи.

Протопопов. — Я затрудняюсь указать факты, я фактов никаких не могу привести. Я видел там только несколько раз Распутина, раза четыре или пять встречался с ним там, но собственно Штюмер уверял меня в том, что он меня предложил; но я впоследствии не доверял этому, потому что государь мне сказал, что я его личный выбор. Это он мне буквально сказал: «Вы мой личный выбор», это его слова. Даже на указе, который был, было написано: «Дай бог в добрый час». Он особенно подчеркивал, что он меня хотел на этом месте. Теперь хлопотал ли обо мне Распутин? Вероятно, да, потому что он меня всегда в лицо хвалил, а, во-вторых, я к нему относился так — вся та мерзость, что была там, весь тот вред, который этот человек сделал, я не мог приписывать лично ему. Это — паршивый кружок, который его окружал, безобразных, безнравственных людей, которые искали личных выгод, которые проталкивали через него грязные дела. Это мне казалось ужасным. Я ничего подобного не делал. Моя цель была ликвидировать, чтобы не было скандала, пьянства, чтобы кутежей было меньше и, если хотите, это было до известной степени достигнуто. Он мне сказал, что я из тех людей, которых должны слушать. Я должен сказать, что и Бадмаев просил Распутина бросить пьянство. Он никогда его не угощал; может быть, какая-нибудь мадера стояла на столе, но никаких толканий по этому пути не было. Я начал с того, что я был против него в 3-й Государственной Думе. Когда я его увидел? Первый раз я увидел его, когда был болен и шесть месяцев лежал больной у Бадмаева на Спасской, не мог встать с постели. Бадмаев привел ко мне Распутина. Я был сильно удивлен видеть этого человека. Я его представлял себе другим, с мягкими манерами. Я сам уроженец Нижегородской губ., и он мне напомнил нижегородского старообрядческого начетчика. Потом, смотрю, неглупый человек, но не в полном рассудке, с серыми пронизательными глазами.

Председатель. — Может быть, сделать маленький перерыв?

Протопопов. — Нет, пожалуйста, будем продолжать. Как прикажете дальше идти, что вам угодно знать?

Председатель. — Как вам угодно.

Протопопов. — Если перейти к тому, что я хотел сделать, это можно говорить?

Председатель. — Да, конечно.

Протопопов. — Когда я приехал первый раз к государю, то я действительно ему доложил, что опытности в этих делах не имею; он сказал мне, что он желает, чтобы я этим делом занимался, он верит, что я буду чисто и честно исполнять это дело. Я говорю, что, конечно, я сделаю все, чтобы это было честно и чисто. Почему? Потому, что действительно сору в избе было очень много. Тогда я себе не отдавал отчета, до какой степени это министерство в итоге не Министерство Внутренних Дел. Оно совершенно поставлено так, что там внутренней политики нельзя делать, ибо нельзя делать политику, ничего не давая. Основа русская — это есть земства, что я мог сделать для земства? Ровно ничего. Земство, со всеми своими денежными средствами, отошло к Министерству Земледелия, это прежде всего. Первое, что меня поразило, это — продовольственная разруха. Это было гораздо доступнее моему пониманию, моей подготовке. Я чувствовал, что в этом деле могу принести пользу. Я видел, что было полное убийство частной инициативы, об этом я говорил, когда единственный раз был в Государственной Думе, что никак нельзя гений целого народа, который слагается из частного почина, взять и поставить в рамки казенной чиновничьей указки. Я считал вредными твердые цены, ибо твердые цены не прибавляют количества товаров, а потом, товары, которые нужны были в России. Я утверждаю, что это можно было сделать так, как я говорил в Государственной Думе. У меня был план тот, который потом Риттих стал выполнять: разверстки нужного количества; на армию нужно было 480.000 пуд., потом это значительно возросло, затем были некоторые запасы на потребности губернии, тогда и я бы предложил твердые цены снять и открыть свободную торговлю; это был у меня план, который я хотел провести, потом мне хотелось провести это через земства, иначе сделать нельзя, но не через Земский Союз, как таковой, а земство, как таковое. Земский Союз и Союз Городской, мне казалось, меня часто называли врагом общественного — я крепко против этого протестую. Это глубокое недоразумение. Вся моя жизнь показала это...

Председатель. — Мы сделаем маленький перерыв.

После перерыва.

Председатель. — Александр Дмитриевич Протопопов, нам бы хотелось в интересах истины, не стесняя вас и предоставляя вам полную свободу, тем не менее, ввести в некоторые рамки ваше объяснение. Такими рамками могли бы быть ваши ответы на такие вопросы, кем фактически и при каких обстоятельствах вы были назначены на пост министра внутренних дел и какие при этом вам были поставлены задачи, какова была ваша политическая программа, затем, каково было ваше, в качестве министра внутренних дел, отношение к Государственной Думе, к вопросу о министерстве доверия или об ответственном министерстве, который интересовал в то время страну. — Каково было ваше отношение к левым и правым партиям и в частности, каково фактически ваше отношение к Распутину, к кругу Распутина, к кружку Бадмаева. В пределах этих вопросов нам бы хотелось знать, каково было ваше отношение к факту замены Штюмером министра иностранных дел Сазонова, т.-е. передача портфеля Штюмеру; портфель министра иностранных дел был тогда в руках Сазонова и в частности ваши отношения к 87-й статье основных законов. Затем нам хотелось бы иметь краткие сведения о вашей поездке за границу и о

переговорах, которые вы вели в Стокгольме с Вартбургом, с представителем Германии, во всяком случае с тем человеком, который говорил с вами от лица Германии. Затем нам интересно знать, каково ваше отношение и ваши действия в отношении последних февральских событий, которые привели к падению старого режима. Вы совершенно свободны в ваших сообщениях, но в интересах истины я бы просил держаться этого порядка.

Протопопов. — Если бы вы мне позволили записать.

Председатель. — Вам будут даны карандаш и бумага.

Протопопов. — Тогда я запишу.

Председатель. — Если хотите, я вам еще раз прочту. Господа, я думаю, что будет полезно это, если даже мы на это потратим три минуты.

Протопопов. — Я очень плохо вижу.

Председатель. — У вас пенснэ в камере, можно принести.

Протопопов. — Это далеко, — ничего, я так постараюсь.

Председатель. — Так первый вопрос: когда фактически и при каких фактических обстоятельствах (нам бы хотелось знать объективную сторону) вы получили портфель министра внутренних дел.

Протопопов. — Когда фактически и при каких обстоятельствах... (*пишет*).

Председатель. — Вторым вопросом мы поставили вопрос о том, какие задачи были вам поставлены.

Протопопов. — Какие задачи, задачи мне поставлены... (*пишет*).

Председатель. — Какие задачи вы сами себе ставили, т.-е. какова была ваша политическая программа.

Протопопов. — Так, слушаюсь.

Председатель. — Сюда может войти вопрос и по продовольствию, но не с его технической стороны, а с его политической стороны.

Протопопов. — Это ужасно, я прошу меня извинить — у меня голова скверная, работает она плохо.

Председатель. — Это поможет вам ориентироваться. В частности, каково было ваше отношение в Государственной Думе к вопросу о министерстве доверия и об ответственном министерстве.

Протопопов. — К вопросу об ответственном министерстве (*пишет*).

Председатель. — К 87-й ст., я говорю потому, что вы понимаете меня, я бы должен сказать к вопросу о применении этой ст. 87-й.

Протопопов. — К ст. 87-й (*пишет*).

Председатель. — Затем к факту замены Штюмером министра иностранных дел Сазонова, затем к вопросу об общественных организациях и их деятельности,

каково было ваше отношение к левым и правым партиям. Здесь я просил бы вас включить вопрос о субсидиях.

Протопопов. — Слушаюсь.

Председатель. — Затем, каково было ваше отношение к кружку Распутина и Бадмаева.

Протопопов. — Как к кружку? Это не есть кружок.

Председатель. — Вы мою мысль понимаете, тогда вы скажете.

Протопопов. — Они разные.

Председатель. — Это вопрос другой. Вы великолепно понимаете, что вас спрашивают о кружке Распутина и Бадмаева. Затем, нам нужно с некоторых точек зрения, которые вы понимаете, знать о вашей поездке за границу в отношении тех переговоров, которые вы вели.

Протопопов. — Я не вел переговоров.

Председатель. — Той беседы, которую вы вели в Стокгольме с Вартбургом.

Протопопов. — Беседе... (*записывает*).

Председатель. — Затем, каково было ваше участие в событиях в конце февраля и начале марта в Петрограде. Передавая нам все это, вы попутно коснетесь фактов, касающихся деятельности высших должностных лиц старого режима, министров, главноуправляющих и прочих лиц как гражданского, так и военного ведомств, которых, согласно акту временного правительства от 4 и 11 марта, мы должны коснуться...

Протопопов. — «Кем и при каких обстоятельствах я был назначен»? Это я вам уже доложил. Это недостаточно?

Председатель. — Как вы хотите.

Протопопов. — Я думаю, что это именно исчерпывающая вещь, потому что собственно никого не просил за меня хлопотать никогда, я ни к кому не обращался с такою просьбою и еще более кого-либо этим утруждал. Я думаю, что могу быть назначен министром торговли потому, что об этом неоднократно говорил государь, и я знаю, про меня государю говорил Сазонов и М. В. Родзянко и затем говорил Шуваев. Он мне сам это передавал. Затем, после моей поездки, Барк передавал, что в разговоре государь лестно отзывался. Затем Бенкендорф, посол в Лондоне, говорил, что он про меня писал, так, что я поэтому и сделался известным государю. Тем более это было интересно, что тогда нами был затронут политический вопрос, именно о равноправии народностей и так как он большой защитник равноправия народностей...

Председатель. — Кто?

Протопопов. — Бенкендорф, лондонский посол. Мы были большими защитниками равноправия. Я спросил его: «Можно ли сослаться на вас?» Потому что понимал, насколько трудно трогать этот вопрос. Он говорит: «Можете. Je suis un homme brûlé

». Собственно, дело было так. Я сидел дома, звонит Штюрмер и говорит: «Вам предлагают такой-то портфель». Я говорю: «Позвольте...». — «Я вам предлагаю». — «Как?» — «Я просил государя и вас назначили». — Я говорю: «Я буду думать». — «Нет, — говорит, — нужно немедленно телеграфировать, государь ждет ответа». Тогда я говорю (у меня действительно в эту минуту было дурное чувство в душе, потому что это мне польстило). «Хорошо, попробую». Под влиянием чего я это сказал, я не знаю. Вы можете сказать: вы дела не знаете. Я шел все-таки с определенной целью в душе сделать доброе. Я верил в то, что я сделаю доброе. Я не понимал, как это трудно и как легко напротив сделать зло. И вот, таким образом, я попал. После этого я был вызван, при чем вызывал меня государь. Я хотел посмотреть, из чего состоит это министерство. Но оно такое нескладное, оно такое неладное мне досталось, что, действительно, его никак в голову было не положить, как одно целое и стройное. Когда-то это была мощная вещь, теперь вещь немогущая, ибо нельзя сделать ничего, если не делать, не творить. А в министерстве необыкновенно трудно что-нибудь сделать, трудно в смысле внутренней политики, ибо там департамент полиции, собственно говоря, это есть осведомительная часть, которая очень подробно дает вам политические справки. Но ведь это не есть политика. Я видел движение, которое подымалось кверху, я его боялся: думал, вот захлестнет, и будет большая беда. Кроме того, я стал любить государя. Он такой добрый, ласковый, так доверчиво ко мне относился, что мне казалось невозможным, чтобы теперь произошел сильный переворот. Я думал, что это будет во вред и государству и во вред тому самому человеку, которого я стал любить. Хороший человек, добрый, и он охотно шел на всякого рода доброе, например, помилование кого-нибудь, это было моментально. С еврейским вопросом он согласился очень легко, как только я стал на точку зрения Государственной Думы, и все, что я сделал в этом вопросе, это было сделано с его ведома. Циркуляр мой в Москве, который значительно расширял право жительства евреев, при чем давал права тем, которые фактически живут, этот циркуляр, чтобы там их не трогать — был издан с ведома государя. Гораздо более широкие рамки разработаны уже в департаменте общих дел у вице-директора Путилова и, если бы мне удалось провести, я сделал бы кое-что доброе. И государь шел легко, боялся только того, что не время. Я говорил: «Время, всегда время». — «Нет, теперь война, и есть известного рода антисемитизм, который развился в войсках, так что лучше моего имени не впутывайте». Вот, собственно, как дело делалось. Но через Совет Министров я надеялся провести те пять пунктов, которые совершенно готовые лежат в департаменте. Эти пункты очень расширяли права евреев. В итоге это было бы сделано, потому что, вероятно, я бы собрал большинство голосов в Совете с этой штукой. Но моя работа затянулась еще тем, что вышло крупное недоразумение. Дорошевич, который был у меня, сказал: «Вас гонят в правый угол». Я сказал: «Идет, меня не загонишь, я даю честное слово». — «Вас гонят и загонят. Всегда так в России у нас делается». Я тогда был ужасно самоуверенным и сказал: «Нет, не загонят».

Теперь какие задачи мне были поставлены? Никаких мне никто задач не давал. Мне говорили: «А что вы думаете по этому вопросу или по этому?» Так было, но задач никаких не давали.

Какая была моя программа? Программа моя была такая. Я думал, что во время войны весьма важно довести войну до конца, при чем так, чтобы к концу войны можно было бы дать другой строй, чем тот, который был. Я думал дать ответственное министерство к концу войны, это я думал, а пока я бы ограничился другим: судебною ответственностью по вотуму Думы министров перед Сенатом или Особым Присутствием Сената. Эти мысли были мною изложены, и я даже дал их члену Думы Г. Д. Караулову-, который был у меня, и только просил не говорить, что это от меня, ибо эта мысль была передана государю, им одобрена, и он находил ее приемлемой, но только потом сказал, что нужно ее юридически хорошенько разработать. Потом вышел перерыв. Месяца полтора, или почти полтора, я не работал, я заболел действительно.

Теперь, какие задачи я себе ставил? Во-первых, продовольственное дело. Это было в первую голову, а потом стояло на очереди и прогрессивное движение. Очевидно, удержать это движение можно до известной степени, но движения, стоя на месте, не удержишь, поэтому я понимал нужду, необходимость движения, и я клал его в следующих вопросах: в еврейском вопросе, в религиозных вопросах, в свободе религии. Вот почему духовный департамент был мною перевернут вверх дном. Мне казалось невозможным оставить то положение, которое есть. Вот почему Шептицкий переехал в Ярославль. Но все это делалось урывками, так нескладно, так скверно работалось, что для меня было это сущее мучение, это была не жизнь, а каторга. Затем я стал с самим собою в контры, я стал с своею душою в контры. Так вышло все ужасно, что нельзя представить, что может быть неудачнее. Риттих как-то мне сказал: «Вам рок смотрит в глаза, берегитесь его». Быть может, есть и правда. Действительно, я могу сказать, все складывается не так, как я хотел, когда я был в Думе. Значит, вот те задачи, которые я себе ставил. Я скажу следующее: зла я никогда не хотел, напротив, я хотел быть доступным, и, думаю, я им был. Я был доступен каждому горю до такой степени, что даже об этом может мой штаб-офицер сказать. Ко мне люди подходили на улице, и я их сажал в автомобиль для того, чтобы они могли сказать, что им нужно. Я не опасался тех осложнений, которые могли быть, хотя я чувствовал, что я объект, но я не хотел быть их причиною, а, может быть, стал ею. Но весь ужас, корень моих бедствий, я вижу в этой газете. Я хотел ее издавать. Для меня это казалось хорошим начинанием, а вышло, бог знает, что. На меня начали лить помой без конца. Когда я просился уйти, а я три раза просился уйти, последний раз я сказал государю, что не могу быть полезным потому, что я слишком заплеванный человек. Правда, я сначала относился крайне хладнокровно, я думал, как можно заплевать? У всякого человека есть известные недочеты, недомыслия. За мной грязи, подлости нет. Я никогда чужого не брал, злого не желал и не хотел верить, что можно при этих условиях заплевать, а оказалось, можно действительно заплевать и уничтожить.

Затем мое отношение к Государственной Думе. Я прямо думаю, что это недоразумение. Сначала я не понимал. Федор Измайлович-, вы меня знаете давно, я не лгу, я положительно не понимал, откуда взялась та атмосфера, которая меня окружила, такая ужасная атмосфера. Мне говорили, что Волконский высмеивал меня в Думе. Передавал смешным образом то, что я в частном совещании просил

быть не товарищем министра, а товарищем. Может быть, это было и не так. Моя задача, которую я ставил себе, это — это возможное расширение земств. Оно сделано. Тобольское земство внесено. Потом земство в Прибалтийском крае должно было разрабатываться, я об этом просил Анциферова. Затем, я предполагал сделать выкуп немецких земель на тех же основаниях, как в 1864 году. Я думал дать возможно больше, в Думу попали маленькие кусочки, одна треть вместо половины. Затем относительно должностных лиц, это в виду продовольствия. Я хотел опереться на большое число должностных лиц разрешением избирать одну десятую полного ценза, хотя бы не из состава гласных. Это было внесено. Потом тобольское земство внесено туда же. Затем волостное земство, и вообще я земство ставил на первую очередь. К Государственной Думе я относился совершенно спокойно и думал: кричат на меня, но это пройдет, какой вздор! И вдруг я вижу какой-то барьер. Первый раз я приехал в бюджетную комиссию в мундире. Мне это поставили в упрек. Мне нужно было быть на представлении и ехать в час, а тут какой-то господин давал долгие объяснения, и мне оставалось говорить 25 минут. А приехал, повторяю, в мундире потому, что надо было ехать в Царское. Но я плохого не чувствовал после этой речи, а потом это как-то разрослось. Потом я просил М. В. Родзянко устроить у себя на квартире свидание, и тут ко мне почувствовали уже большую вражду. Это не нужно? Простите я плохо думаю...

Председатель. — Нет, нет, пожалуйста.

Протопопов. — Как прикажете.

Председатель. — Может быть, вам легче будет отвечать на вопросы.

Протопопов. — Я очень плохо думаю. Я искренно говорю, я плохо соображаю, у меня скверно работает голова.

Председатель. — Вы говорите, что к Государственной Думе относились спокойно?

Протопопов. — Совершенно.

Председатель. — Когда вы говорите это, то некоторую психологию вашего отношения вы утверждаете. Нам бы хотелось услышать ваш ответ на вопрос, каково было ваше отношение к факту существования и работы Государственной Думы во время войны.

Протопопов. — Ах, во время войны.

Председатель. — То-есть в то время, когда вы были министром, как вы относились к возможности и желательности править страной без Государственной Думы?

Протопопов. — Без Государственной Думы, я думал, править нельзя, когда я был там. Все переменилось, когда я был назначен министром: ко мне относились неладно, как к министру, я был для них не министр, на меня смотрели очень косо, и, естественно, я думал, что найду опору в Думе. И вот накануне того, как я в первый раз пришел туда (министры устроили так), мне сказали, что Пуришкевич будет говорить против меня речь, сообщили ее содержание и думали, что мне легко будет отвечать, когда у меня эта речь была записана.

Председатель. — Кто вам сказал содержание речи?

Протопопов. — Положительно не помню. Вероятно, либо Крупенский, либо Ознобишин, я не помню кто.

Председатель. — Или Марков 2-й?

Протопопов. — Маркова 2-го я тогда не видел.

Председатель. — А когда вы начали видеть Маркова 2-го?

Протопопов. — Приблизительно в январе. Я его видел раза четыре, кажется.

Председатель. — То-есть, что вы называете видели? Вы его видели в Думе?

Протопопов. — Нет, нет. Он был у меня.

Председатель. — Я понимаю в том смысле, что между вами и им установились некоторые внедумские отношения. А отношения между вами и Крупенским?

Протопопов. — Ох, это с детства. Я с ним был в кавалерийском училище.

Председатель. — Но когда установились ваши встречи с Крупенским в связи с делами Государственной Думы, в бытность вашу министром внутренних дел?

Протопопов. — У меня почти их не было. Он бегал ко мне, и я к нему ездил. Он быстрый человек, всегда больше всех знает. У меня особых дел не было с ним, кроме этой знаменитой записки абриса речи, декларации.

Председатель. — Чьей речи?

Протопопов. — Декларации Думы, которую я передал Штюмеру в руки.

Председатель. — Когда это было?

Протопопов. — Это было вначале.

Соколов. — Перед 1-м ноября?

Протопопов. — Да, кажется. Он сказал, — вот в чем будет заключаться декларация. Я говорю, — тогда я дам Штюмеру. Ну хорошо, — говорит, — только ты мне верни. Я так и сделал. Дал Штюмеру, а затем, я не знаю, каким образом вышло, что это сделалось известным в Думе.

Председатель. — Вы немножко уклонились в сторону. Позвольте задать вопрос: Крупенский и Марков 2-й получали деньги за это осведомление?

Протопопов. — Крупенскому ни одной копейки не давал, нет.

Председатель. — А Маркову 2-му?

Протопопов. — Да, я ему давал и вот почему. Совершенно не свойственно мне, так сказать, быть крайним правым, следовательно, совершенно является необъяснимым, каким образом я на эту патриотическую организацию мог отпускать деньги. Это случилось вот почему. Во-первых, их, правых, постоянно кормили все. Следовательно, если бы я не подкармливал эти учреждения монархические, то это составило бы исключение из правила, а в былое время, когда я видел, что монархический принцип падает ужасно, мне казалось, нельзя сделать иначе, как дать эти деньги, — вот почему.

Председатель. — Сколько вы платили Маркову 2-му?

Протопопов. — Я думаю, за все время всего тысяч сорок.

Председатель. — За все время вашего министерства. Были определены эти передачи?

Протопопов. — Я не хотел определять, потому что у него был очень большой вкус — l'appetit vient en mangeantⁱ, а у меня, наоборот, вышло, что подтвердит директор департамента полиции, что в последний раз, когда ему передавал деньги, я усомнился в необходимости передачи этой денежной субсидии.

Председатель. — А когда этот последний раз был?

Протопопов. — В начале февраля, вероятно.

Председатель. — Сколько было в последний раз передано?

Протопопов. — Тысяч десять.

Родичев. — После того как он обругал Родзянко, сколько вы ему дали?

Протопопов. — Я ему за это не дал. Я не так был сердит на Родзянко. Мне очень грустно...

Председатель. — Просто последовательность объективная?

Родичев. — Вы не прекратили уже после этого выдачи?

Протопопов. — Нет.

Родичев. — Сколько после этого?

Протопопов. — Не помню, но не прекратил.

Председатель. — Вы говорите, что, значит, его аппетит разыгрывался, аппетит приходил по мере того, как он получал. Что же, конкретно скажите, он просил у вас большое количество денег?

Протопопов. — Он говорил: «что даете пустяки». Я ссылался на то, что денег нет. Нужно сказать, что я только теперь, раздумывая, вижу, как много я не знал в этом ведомстве. Да оно и понятно, потому что фактически им я не мог управлять, и потом все приключения... Ведь не было дня, чтобы не было приключения, чтобы не было какого-нибудь толчка, странного толчка, как, например, запрос дворянства по поводу Варбурга. Все складывалось так ужасно, ведь это выбивало меня. Я не мог внимательно и последовательно работать.

Председатель. — Давайте совершенно спокойно выясним эти вопросы, сюда относящиеся. Вы говорите, что Марков 2-й говорил, что ему этого мало. Сколько же ему полагалось в месяц.

Протопопов. — Не то, чтобы я сказал в месяц. Ну, в месяц 10—15 тысяч.

Председатель. — Десять-пятнадцать тысяч в месяц?

Протопопов. — Может быть, и двадцать тысяч.

Председатель. — А он требовал больше?

Протопопов. — Он говорил: помилуйте, две с половиной тысячи стоит бюро.

Председатель. — Какое бюро?

Протопопов. — Отдел союза русского народа.

Председатель. — Так что ему нужно было больше. Скажите, он давал вам отчет в этих деньгах?

Протопопов. — Нет, никогда. Тут случилось еще одно обстоятельство. Тут не один Марков был, тут целая группа лиц, которые были заинтересованы в том, чтобы субсидии шли.

Председатель. — А именно?

Протопопов. — Все правые группы.

Председатель. — Ну, назовите некоторых из них.

Протопопов. — Возьмите из Государственного Совета, есть лица, которые заинтересованы были очень.

Председатель. — Кто?

Протопопов. — Я сказал бы, почтенный Римский-Корсаков.

Председатель. — Ну еще.

Протопопов. — Я ему лично не платил, но он был заинтересован.

Председатель. — Вы говорите, что был заинтересован в этих получках?

Протопопов. — Нет, нет извините. Я этого не говорю, что он получал деньги, он не получал. Я давал, Маркову, собственно, не я лично, но все равно давал Маркову деньги, а затем Римский-Корсаков, я не знаю, чтобы он тут был заинтересован, но он говорил мне, что это необходимо, тут и газету он примешивал.

Председатель. — Как называется эта газета? (*Протопопов старается припомнить.*)

Смиттен. — Может быть, это «Русская Быль»?

Протопопов. — Кажется, да. Правым нравилось, что я даю эти деньги. Если бы не давал, это правым не нравилось бы.

Председатель. — Да кто из правых, назовите?

Протопопов. — Да их ужасно много.

Председатель. — Но, вероятно, чем-нибудь выражалось, что это нравилось? Мне кажется, по началу вашего рассказа, вы сказали, что, собственно говоря, не один Марков 2-й хотел получать эти деньги.

Протопопов. — Нет, виноват, я плохо выразился. Марков 2-й единственный человек, который получал. Извините, я сказал один, но еще был другой, которого прислал, как будто, Голицын или Щегловитов. Это — Орлов московский. Я первый раз его видел. Он принес брошюру и на издание этой брошюры я дал две тысячи рублей. И вот этот мне принес счет.

Председатель. — То-есть впоследствии принес?

Протопопов. — Да, через месяц. Но он так отвратительно вел себя в Москве. Мне писали об этом, я ему больше денег не дал, я сказал, что он больше не получит. Отвратительно вел себя тем, что говорил, что я такой ему близкий человек, одним словом — негодный господин.

Председатель. — До вас дошли сведения, что Орлов занимался в Москве вымогательством?

Протопопов. — Этого мне не сказали, что вымогательством, а, что будто он утверждал, что он мне первый друг, и тогда я ему поставил это на вид и сказал, что это не так.

Председатель. — В таком случае, чтобы выяснить вопрос о деньгах, я поставлю вопрос: очевидно, Марков не один получал деньги, но целый ряд лиц или по крайней мере некоторые лица из Государственной Думы и Государственного Совета были заинтересованы в этом, т.-е., может быть, настаивали на том, что Марков 2-й получал?

Протопопов. — Они этого никогда не говорили, но они говорили: вы понимаете, Александр Дмитриевич, какое трудное время, что вообще правые организации, это единственно, что остается у монарха. Вы должны их поддержать. Я поддерживал вовсе без восторга. Это было для меня сделкой с совестью, но я это делал.

Председатель. — Но вы, может быть, припомните, кто именно настаивал на субсидировании правых организаций?

Протопопов. — Ведь целый ряд лиц, трудно сказать. Ну, вот, правый Корсаков, как я помню; да ведь и все не против были.

Председатель. — Из каких средств выдавали?

Протопопов. — Это средства департамента полиции, так называемые секретные средства, но я в них очень плохо разбирался, потому что я до последнего времени никак не мог себе представить, каким образом и какие средства там имеются. Я думал, что я это узнаю при рассмотрении бюджета и тогда с этим ознакомлюсь лучше и, кроме того, был изготовлен отчет. На отчете я написал: «Ничего не понимаю, прошу доложить», ибо очень путано было сделано, и я не мог разобраться.

Председатель. — Вы помните, что в 1916 году по департаменту полиции вам докладывали о том, что если так будут тратиться деньги, то департамент встанет перед большим дефицитом? Вам говорили об этом?

Протопопов. — Что получится дефицит? Да, и меня даже удивило, куда деньги девались. Об этом мне сказал и директор департамента полиции, говорил и Лерхе, вице-директор, заведывавший счетною частью. Об этом они мне сказали в день моего поступления, что там дефицит 6.000.000. Вот эта цифра осталась у меня в голове. Каким образом был дефицит?

Председатель. — В день вашего поступления в начале сентября?

Протопопов. — В конце сентября 1916 года.

Председатель. — Что эти субсидии Маркову 2-му были и раньше, или они были установлены вами?

Протопопов. — Сохрани меня бог. Они были раньше.

Председатель. — Размер оставался тот же или вы изменили?

Протопопов. — Я думаю, что я их убавил.

Председатель. — Вы не знаете из разговоров с Марковым, давно ли он получал эти деньги?

Протопопов. — Я никогда не спрашивал.

Председатель. — По департаменту полиции вы не интересовались узнать? Ведь это значительная выдача государственных денег, вы назвали цифру 15.000 в месяц!

Протопопов. — Это вопрос, всегда ли. Можно выдать 15.000, а потом ничего не дать, значит нельзя же сказать...

Председатель. — У вас приходилось в месяц тысяч 15.

Протопопов. — Я не могу сказать точно.

Председатель. — То, что мы рассматриваем, это есть часть общего вопроса, мы отвлеклись от общего вопроса, от вопроса о вашем отношении к Государственной Думе. Значит, в разъяснение того, что вы сказали, отношение ваше к Государственной Думе было спокойное.

Протопопов. — Спокойное.

Председатель. — Я поставил вам вопрос, что нас интересует политическая сторона, отношение министра внутренних дел к Государственной Думе, как к представительству народному. Вот, значит, будьте добры рассказать.

Протопопов. — Я определенно говорю, что против Государственной Думы я никогда не шел. Теперь, когда Государственная Дума стала так резко говорить...

Председатель. — Что значит против Государственной Думы? В смысле ее уничтожения?

Протопопов. — В смысле уничтожения, конечно, для меня было немислимо думать.

Председатель. — Не об уничтожении, а о роспуске?

Протопопов. — Для того, чтобы создать новую, об этом была речь, но я перед этим шагом задумывался иной раз.

Председатель. — Вопрос стоит так: страна требует существования Государственной Думы и ее работы, а представителями тогдашней верховной власти издавался указ о роспуске Государственной Думы. Этот указ контрассигнировался министром, не правда ли? Каково было ваше отношение?

Протопопов. — К роспуску?

Председатель. — Т.-е. к перерыву ее работы.

Протопопов. — Я не голосовал против перерыва.

Председатель. — А вы, значит, голосовали за перерыв?

Протопопов. — Т.-е. вы говорите о голосовании в Совете Министров?

Председатель. — Вы голосовали за перерыв в Совете Министров. Почему?

Протопопов. — Да. Потому что, когда этот вопрос стоял на очереди, я был поставлен в ужасное положение; как только Государственная Дума открывается, начинает страшно меня бранить, страшно бранить, у меня осадок личный сделался. Дело в том, как я сказал в самом начале, что Дорошевич сказал мне, что меня загонят в правый угол, я действительно себя видел в правом углу, но не душой, а в правом углу по всем своим поступкам. Каким образом это было, как это сделалось? Потому что я был всегда человеком середины и теперь остаюсь и остался человеком середины. Теперь о роспуске Государственной Думы. Почему я мог голосовать за перерыв? Потому что Государственная Дума страшно поднимала настроение в стране. Мне делалось страшно. Я видел, что мы не дотянем до конца войны, и произойдет то, что произошло. Мне казалось следующее: лекарства нет, и мы не можем его придумать, это факт. Во-первых, мне казалось следующее: оппозиция станет на свое место, все, работающие по вопросам государственным и общественным, все должны стать на свои места. Во-вторых, я отлично видел, что в сущности правительства нет. Я отлично понимал, что нельзя вести войну, не опираясь на общественные силы, без мобилизации всех сил страны. Я понимал это отлично, но та форма, которую, мне казалось, приняла общественность, посягнув и вступив в правительственную сферу, делает то, что надлежит делать правительству. Получилась уже такая вещь, что общественность захватила власть, и мне казалось это не вполне правильным. Хотелось мне, чтобы правительство было правительством, но я сам видел, что нет системы. Возьмем казенное строительство.

Председатель. — Это частный вопрос. В сущности вам казалось, что общественность того времени внедряется или входит в круг правительственных обязанностей? Какой вывод? Вы стали тогда против общественности.

Протопопов. — Нет, извините, я думал, что как можно быть против общественности. Быть против общественности, это значит сказать, что нельзя войну вести, ибо без общественности правительство физически не могло бы вести войны. Я не мог сказать — я против общественности — а кто же будет вести войну? Вот какая вещь получилась. Мне казалось тогда, что правительство должно делать то, что делали общественные учреждения...

Председатель. — Как вы считали, какой правильный образ действий по отношению к общественности? Вы говорите, что вам было ясно, что правительство должно делать то, что делает общественность; что же делать с общественностью, которая, по вашему мнению, входила в круг правительства?

Протопопов. — Работать самому правительству и тогда, когда правительство будет работать, общественность будет делать то, что от нее требуется. Я представлял это себе в смысле производства и распределения богатства. Мне казалось, что

распределение богатства, в данном случае, это дело правительства, а производство...

Председатель. — Т.-е. распределение богатства вы считали...

Протопопов. — Производство богатства, это вопрос общественных учреждений, личной инициативы, распределение богатства, распределение денег это вопрос правительства.

Председатель. — Каких денег?

Протопопов. — Каких хотите денег. Возьмите всю продовольственную кампанию. Громадные суммы денег на это затрачены, а работает, очевидно, общественность, без этого нельзя. Кто, каким образом, по округам или губерниям, кто дает импульс, кто же дает направление в этом деле? Конечно, правительство. Вот как мне казалось, что в общественных учреждениях... Вот, например, военно-промышленные комитеты. Я глубоко был не согласен с их структурой, потому что всякая мобилизованная промышленность мелкая и крупная...

Председатель. — Как вы относились к военно-промышленным комитетам?

Протопопов. — Я к ним относился так, как вы это видели. Под моим председательством был съезд большой металлообрабатывающей промышленности, и мы великолепно жили, так как члены военно-промышленного комитета были членами и этого съезда. Но, конечно, я относился критически к тому способу ведения дела, находил его неправильным.

Родичев. — Как относились вы к участию рабочих в военно-промышленных комитетах?

Протопопов. — Я находил, что это вещь крайне опасная, ибо участие рабочих в таких кучках в 60-ти местах России могло бы быть опасным.

Родичев. — Вы знали, что там провокаторы сидели?...

Протопопов. — Сохрани господи, Федор Измайлович, что вы!

Родичев. — Там сидели провокаторы.

Протопопов. — Не может быть, Федор Измайлович. Вы меня убили, не может быть.

Председатель. — Так мы будем продолжать.

Родичев. — Таким образом вы признаете...

Протопопов. — Да нет, Федор Измайлович, какие агенты сидели, я не знал, я определенно говорю, — нет, я не знал.

Родичев. — Вы знаете это обстоятельство. Довольно, пойдем дальше.

Протопопов. — Я этого не знаю. Я говорю определенно нет; я десять раз даю вам честное слово, спрашивал, когда мне давали листки, нет ли тут провокации, мне смеялись и говорили, что нет провокации.

Председатель. — Этот вопрос, исчерпан. Позвольте считать, что в силу сложившихся обстоятельств вам в Совете Министров приходилось, при вопросе о перерыве Думы, становиться на сторону перерыва.

Протопопов. — Да.

Председатель. — Вы сказали раньше, что у вас было положительное отношение, если не ошибаюсь, к министерству доверия, так ведь?

Протопопов. — Нет, извините, я в этом отношении, понятно после войны, считал, что непременно нужны глубокие перемены. Я думал, но что же, я ничего не мог сделать? Ведь это была одна мечта, в этом был весь ужас моего положения. Я хотел сделать крупные творческие реформы; с одной стороны, еврейский вопрос меня интересовал, с другой стороны, мне хотелось непременно сделать еще многое против немецкой политики, которая была ужасно вредна, — я в Совете Министров против немецкого землевладения спорил, — я хотел провести большие коренные реформы, меня интересовал менонитский вопрос, но нужны люди...

Председатель. — Мы несколько уклонились. Давайте выяснять вопрос о министерстве доверия.

Протопопов. — Я думал, что нужна судебная ответственность перед Государственной Думой.

Председатель. — Вы в вашей деятельности отрицательно относились, для данного момента, к осуществлению ответственного министерства, чего требовала вся страна.

Протопопов. — В данном случае я думал, что нужно министерство судебной ответственности.

Председатель. — Значит, страна желала министерства доверия, ваш же проект был, в противовес этому, судебная ответственность министров перед лицом Государственной Думы.

Протопопов. — Да, хотя нужно сказать, что государь отлично понимал, что необходимо сделать движение навстречу желаниям народа, и он это сделал бы после войны.

Председатель. — Он это отлично понимал, а пока?

Родичев. — Пока что — назначил Штюмера.

Протопопов. — Вот как это случилось, видите ли, это последнее назначение, оно продиктовано тем, что, когда валится все, нужно брать таких людей твердых.

Председатель. — Каких же людей?

Протопопов. — Столпов.

Родичев. — Вы знали, кто такой Штюмер?

Протопопов. — Я потом только узнал. Это были люди, которые меня называли перед государем сумасшедшим. Это бог знает что такое, там клевета такая шла.

Председатель. — Где, там?

Протопопов. — У царя, там прямо говорили, что я сумасшедший. Вначале государь мне сказал, когда я спросил, кто? Он сказал — оба.

Председатель. — Кто оба?

Протопопов. — Трепов и Штюрмер.

Председатель. — А мне казалось, что вы говорили про их сумасшествие.

Протопопов. — Т.-е. обо мне говорили все время. Один мне говорил — он про вас сказал; а когда я спрашивал, другой мне говорил — он про вас сказал; тогда я спросил государя. Государь мне говорит — оба про вас сказали. Вообще мне было очень трудно, я три раза просился уйти, три раза.

Председатель. — Вернемся к вашему назначению.

Протопопов. — Мне казалось возможным сделать все по-хорошему. Я совершенно не ожидал такого настроения, которое оказалось, я его не ожидал, потому что хотя у меня были сведения из департамента полиции о том настроении, которое идет, но в такой мере я не ожидал. Одна из вещей, которая мне не нравилась, это — контр-разведка, я убежденно постоянно против нее спорил, говорил, что она идет по пути преступлений.

Председатель. — Почему вы это думали?

Протопопов. — Потому что вместо того, чтобы освещать те вопросы, которые нужно было освещать, они хватались за сахар, за булку, там где сладко. Вся эта публика была скверная; ведь в контр-разведке состоял Мануйлов-Манасевич, это мне было известно, только, пожалуйста, не думайте, что он был в Министерстве Внутренних Дел при мне. Прошлый раз министр юстиции мне сказал, что Манасевич-Мануйлов был в Министерстве Внутренних Дел, — утверждаю, что нет.

Председатель. — Так про скверную публику...

Протопопов. — По-моему, публика была скверная, она занималась вымогательством, в этом я убежден, но доказательств у меня нет, это было мое впечатление. Я просил государя о помиловании Добрушкина, потому что туда посылают либо людей, которые ничего не понимают, либо выпускают на них такого трезора.

Председатель. — Кого вы имели в виду, когда говорили о скверной публике, пристраивающейся к контр-разведке.

Протопопов. — Я скажу, во главе был генерал Батюшин. Я не смею сказать, что он нечестный, но он человек умный, свирепый. Я повторяю, это мое впечатление, я могу ошибиться. Потом был и Резанов и Логницкий.

Председатель. — Кто в ваше время состоял в контр-разведке в вашем министерстве?

Протопопов. — Как, в вашем министерстве? У меня не было контр-разведки.

Председатель. — Нет, кто был при вас в Военном Министерстве во главе контр-разведки?

Протопопов. — Батюшин. Он от Ставки зависел, он имел большой вес.

Председатель. — Через кого он имел вес?

Протопопов. — Я думаю, через Алексеева.

Председатель. — Это ваше предположение?

Протопопов. — Мое предположение.

Председатель. — Вначале вы сказали, что о вашем назначении вам позвонил Штюрмер.

Протопопов. — Т.-е. он не позвонил, а позвал к себе и сказал мне, что государь меня предложил...

Председатель. — Когда это было? Незадолго до вашего назначения?

Протопопов. — Да.

Председатель. — Когда вы сблизились с Распутиным?

Протопопов. — Никакой близости у меня с ним не было.

Председатель. — Когда вы начали с ним встречаться?

Протопопов. — Я его впервые увидел, когда я лежал больной у Бадмаева. Бадмаев привел его ко мне. Это было на мызе в Спасском.

Председатель. — Когда это было?

Протопопов. — Три года тому назад. Я был страшно болен, у меня был миэлит и неврастения.

Председатель. — Затем дальше?

Протопопов. — Я его первый раз тогда увидел. Вообще я его видел в жизни раз 15—16. Я это вспомнил, сидя в своей камере, и записал себе; да, приблизительно 15—16 раз я его видел всего-навсего.

Председатель. — Какие были за эти встречи между вами разговоры, касающиеся дел государственной важности?

Протопопов. — С ним говорить систематически нельзя было. У него бывали мысли верные, а иной раз совершенно чепуховые, совершенно вздорные. У него была характеристика людей, он людей мало видел, но довольно метко определял. Это свойство у него было; потом, зло не говорил про людей, это мне нравилось.

Председатель. — Нам хотелось бы знать, что он говорил в отношении своих связей к Царскому Селу, в отношении своих влияний.

Протопопов. — Он к этому относился так, что не скрывал своей близости совершенно. Он звал царя «папой», царицу «мамой». Видно было, что он был, как я раньше сказал, челядинец, близкий человек.

Председатель. — Он звал их так, как вы говорите, «папой» и «мамой», не в более грубой форме?

Протопопов. — При мне никогда, он никогда не бывал в тех видах, в которых он бывал, когда он пьяный говорил, грубые, безобразные вещи, но я вполне допускаю, что он в пьяном виде мог говорить такие вещи. Повторяю, что в пьяном виде я его никогда не видел. Всего я его видел 15—16 раз. Потом, гораздо позже, я узнал, что он, кажется, 16 лет был при царской семье. Может быть, я ошибаюсь, он пришел богомольным и чистым человеком. Это здесь его испортили. Я это слышал.

Председатель. — Вам известно значение Распутина в делах Царского Села при государе?

Протопопов. — Распутин был близким человеком и как с близким человеком с ним советовались. Лично мне он говорил: «Вы будете министром, вы будете министром».

Председатель. — Когда он это вам говорил?

Протопопов. — Три года тому назад.

Председатель. — В 1916 году?

Протопопов. — Он мне постоянно говорил: «Только, чтобы царя увидеть».

Председатель. — Разве он так редко видел царя?

Протопопов. — Нет, чтобы я увидел царя, но тогда я этому не придавал значения. Дурная мысль, несчастная мысль насчет министра мне приходила после моей поездки за границу, но я никогда не просил никого.

Председатель. — После вашей поездки за границу?

Протопопов. — Да.

Председатель. — Как велась охрана Распутина?

Протопопов. — Совершенно не знаю определенно. Я спрашивал только, охраняют ли его? Говорят, охраняют и больше ничего.

Председатель. — Вы не имели донесения лиц, охраняющих Распутина?

Протопопов. — Нет, я интересовался, потому что этим интересовались другие. Я и спрашивал, есть ли охрана? — Есть, больше ничего.

Председатель. — Когда Курлов появился в Министерстве Внутренних Дел? В бытность вашу министром внутренних дел?

Протопопов. — Я вам скажу, я считал Курлова честным человеком, мне про него много говорили. Может быть, я ошибаюсь, это мой однополчанин, я знаю некоторые дурные его стороны, но в денежном отношении я всегда считал его честным человеком, человеком очень умным. В последнее время, после того как с ним случилась беда одна за другой, я видел, как этот человек, — он жил у Бадмаева...

Председатель. — Что вы называете бедой?

Протопопов. — Убийство Столыпина, которое его сокрушило совершенно, потому что Столыпин ему написал письмо, что он назначен сенатором—. Убийство

Столыпина и потом следствие было для него очень тяжелым, тут он остался без гроша, долго жил у Бадмаева.

Председатель. — Когда он жил у Бадмаева?

Протопопов. — После убийства Столыпина, и тогда, встречаясь часто с ним — потому что я постоянно ездил на Спасское, — больше и больше знакомясь с ним, я видел, что этот человек внутренне вырос против того, что я знал раньше. Потом он женился, у него дети хорошие. Мне казалось, что он недурной человек. Так я и теперь думаю, что он недурной человек; конечно, может быть, я ошибаюсь, может быть, у него есть какие-нибудь дурные стороны, мне это неизвестно. Но во всяком случае я считал его способным и честным человеком.

Председатель. — Скажите нам про его отношения к Министерству Внутренних Дел.

Протопопов. — Я хотел его сделать командиром корпуса жандармов, но не мог этого сделать.

Председатель. — Вы это хотели, но что вы сделали фактически?

Протопопов. — Фактически он был причислен при мне и короткое время он был председателем особого совещания.

Председатель. — Будучи назначенным?

Протопопов. — Да.

Председатель. — Ведь председатель особого совещания — это товарищ министра.

Протопопов. — Нет, это только права товарища министра.

Председатель. — Кто председатель особого совещания?

Протопопов. — Лицо, имеющее права товарища министра, но не товарищ министра.

Председатель. — Значит, ему были предоставлены права товарища министра?

Протопопов. — Да, как всегда, ведь в Министерстве Внутренних Дел была масса людей на правах товарища министра.

Председатель. — Кем и когда Курлову были предоставлены права товарища министра?

Протопопов. — Государем, но когда — не помню.

Председатель. — Кем?

Протопопов. — Государем, но когда не помню.

Председатель. — В каком порядке?

Протопопов. — В порядке доклада.

Председатель. — О назначении Курлова имеется письменное распоряжение государя?

Протопопов. — Я этого сказать не могу, доклад есть.

Председатель. — Чей доклад?

Протопопов. — Самого министра внутренних дел, Протопопова.

Председатель. — Вы не можете припомнить, где этот доклад имеется?

Протопопов. — Вероятно, в канцелярии.

Председатель. — Вы сообщили для распубликования в Сенат?

Протопопов. — Нет, тут он скоро подал в отставку. Тут возникла история. Государственная Дума совершенно правильно меня запрашивала и если бы я отвечал, то я бы сказал, что формально я тут погрешил. Когда Курлов был назначен, я подумал, что это подымет страсти, а мне не хотелось... чтобы это принимало широкую огласку, потому что все с ужасом говорили — Курлов, Курлов. Тогда я спросил, как поступают в военных кругах при назначении? Военных министров не опубликовывали. Так как он был военный, то мне казалось, что он может быть не опубликован. Кажется, тогда был Макаров.

Председатель. — Вам это казалось логичным или законным?

Протопопов. — И то и это законно.

Председатель. — Значит, вам так казалось. Вы немножко уклоняетесь в сторону.

Протопопов. — Честное слово, я не уклоняюсь. Мне казалось это просто, я не думал, законно это или нет. Я думал, раз не опубликовывается, стало быть, и здесь можно не опубликовывать. В этом смысле я спросил министра юстиции.

Председатель. — Кто в то время был?

Протопопов. — Макаров.

Председатель. — Что он ответил?

Протопопов. — Ни два ни полтора. Это дело затянулось.

Председатель. — Когда вы спросили об этом министра юстиции?

Протопопов. — Когда я писал рапорт.

Председатель. — Так что вы писали ему рапорт?

Протопопов. — Рапорт был на столе, он был написан и подписан, рапорт был послан, но не опубликован потому, что я взял его обратно.

Председатель. — Что сказал министр юстиции?

Протопопов. — Что его нужно опубликовать.

Председатель. — Вы его взяли назад?

Протопопов. — Я его взял назад потому, что Курлов занял это место, и после этого он сделался причисленным.

Председатель. — Что же у вас фактически делал Курлов в министерстве или в департаменте?

Протопопов. — Он был недолгое время председателем совещания.

Председатель. — Значит, он только председательствовал в особом совещании?

Протопопов. — Нет, он вообще впутывался.

Председатель. — Что же значит впутывался? Что он делал?

Протопопов. — Товарищем министра он не был, но он был в курсе.

Председатель. — Что вас заставило взять и пригласить человека, ненавистного как обществу, так и народу?

Протопопов. — Совершенно верно, с моей стороны это была громадная ошибка.

Председатель. — Что вас заставило это сделать?

Протопопов. — Я думал, что это ничего, что он хороший человек и докажет, что он хороший человек. Это громадная ошибка. Раз вы меня здесь спрашиваете, то я скажу так: я делал ошибку за ошибкой. Скажу и то, что и мои товарищи по отношению ко мне тоже делали ошибки. Было следующее... Я скажу, что я вычитал третьего дня такую фразу, что и маленькое, даже незлобивое сердце никогда не нужно сразу бить и добивать, потому что оно тогда делается действительно нехорошим, потому что рождаются дурные чувства.

Председатель. — Перейдем к событиям конца февраля, к тому, что вы знали об этих событиях, и каковы были ваши действия в противовес этим событиям?

Протопопов. — Вы говорите о событиях двадцать третьего февраля?

Председатель. — Да, и последующие, которые привели к уничтожению старого режима.

Протопопов. — Я их не ожидал совершенно. Я ожидал их 14-го числа, перед открытием Думы. Мне сообщили, что перед открытием Думы может быть забастовка, при чем все могут пойти к Таврическому дворцу.

Председатель. — Когда созвали Думу 14 февраля, вы думали, что она будет распущена?

Протопопов. — Всякие были предположения.

Председатель. — Но ваше предположение какое было?

Протопопов. — Мне было бы приятно, если бы Дума начала работать.

Председатель. — Но какое было ваше предположение — распустить возможно скорее, или дать ей работать, чего желала страна, общество и народ?

Протопопов. — Конечно, работать. Страшил меня тот подъем, тот толчок, который давала Дума всей стране.

Председатель. — Это вас страшило?

Протопопов. — Это вело к известному перевороту, конечно, я не был настраже переворота. Это понятно.

Председатель. — Так, это частный вопрос о 14 февраля и о Думе. Теперь позвольте попросить вас изложить, что вы знали о надвигавшихся событиях, и то, что вы делали по поводу этих надвигавшихся событий, вам известных.

Протопопов. — Все это делалось не в Министерстве Внутренних Дел. Начальник военного округа пользуется правами генерал-губернатора. Значит, всякого рода мероприятия шли больше из штаба.

Председатель. — А меньше?

Протопопов. — А меньше, что же? Министерство Внутренних Дел служило тому, что прикасалось к самому населению.

Председатель. — Что же прикасалось?

Протопопов. — Департамент полиции.

Председатель. — Что он делал?

Протопопов. — Он следил, доносил и давал мне донесения.

Председатель. — Какие распоряжения исходили от вас?

Протопопов. — От меня прямых распоряжений ни единого раза не было, кроме ареста группы рабочих депутатов.

Председатель. — Это от вас исходило?

Протопопов. — Нет, оно состоялось по ордеру военного начальства.

Председатель. — Мы хотим знать существо.

Протопопов. — Я был при этом. Говорят: вот факты, вот такие-то прокламации, такие-то журналы, с такого-то времени. Это было доложено Хабалову, он согласился.

Председатель. — Кем доложено?

Протопопов. — Департаментом полиции.

Председатель. — Т.-е. кем из департамента полиции?

Протопопов. — Глобачевым.

Председатель. — Т.-е. начальником охранного отделения по вашей инициативе рабочие были арестованы?

Протопопов. — По моей инициативе или нет? Скажу — нет.

Председатель. — При вашем участии?

Протопопов. — При моем согласии.

Председатель. — Чья была инициатива?

Протопопов. — Я не сумею сказать, но думаю — Хабалова, я же считал, что нужно арестовать и предать суду.

Председатель. — Какие были ваши действия по поводу готовившихся событий?

Протопопов. — Никаких. Плана защиты я не знал. Я спросил у Балка, он показал мне, что расписано по дням, но полиция, как таковая, и градоначальник подчинены генерал-губернатору и, следовательно, до министра внутренних дел они никакого касательства не имеют.

Председатель. — Какое было ваше отношение к пулеметам?

Протопопов. — Я прочел в газетах, что в полиции применяются пулеметы; я спросил об этом Балка, и он сказал, что должно быть молодые солдаты учатся.

Председатель. — Это опровержение было напечатано?

Протопопов. — Вероятно, да.

Председатель. — Вы справлялись только у Балка?

Протопопов. — Да.

Председатель. — А вы не сносились с департаментом полиции или начальником полиции?

Протопопов. — Не помнится. Градоначальник должен знать.

Председатель. — Известно ли вам, что пулеметы рассылались и передавались в руки полиции и в других городах Российской империи при вашем министерстве.

Протопопов. — Честное слово, говорю, мне это неизвестно.

Председатель. — Так что вы утверждаете, что вы не имели никакого отношения к вооружению полиции в Петрограде и вне Петрограда?

Протопопов. — Определенно отрицаю, в первый раз об этом слышу.

Председатель. — Теперь у нас остался вопрос по поводу Стокгольма. Не можете ли вы высказаться по этому вопросу?

Протопопов. — Стокгольмское заседание вызвало столько противоречий, что в конце концов я стал сбиваться, но у меня есть запись в маленькой путевой книжке, которая находится у бывшего губернатора А. С. Ключарева, ныне заведывающего беженцами.

Председатель. — Почему?

Протопопов. — Потому, что они очень много разговаривали, я ее и отдал.

Председатель. — Когда?

Протопопов. — Незадолго до этих событий. Там все записано. Но там, например, записано Ашберг, но на самом деле это Варбург, я спутал имя. Так что подробности чрезвычайно разнятся. Я совершенно не хочу сказать, что Олсуфьев искажил нарочно, но в его поступках я нахожу следующую некорректность... Во-первых, когда я доложил собранию представителей, то он не имел права брать оттуда и печатать.

Председатель. — Вы не находите возможным сказать о самых событиях?

Протопопов. — Конечно, конечно. Факт тот, что в какой комнате, это не имеет значения, кому принадлежит эта комната...

Председатель. — Но дело в том, в чьей комнате?

Протопопов. — Это было в комнате гостиницы «Гранд-Отель».

Председатель. — В нанятой комнате?

Протопопов. — В нанятой.

Председатель. — Кем?

Протопопов. — Не помню. Ах да, мне накануне опять кто-то сказал, что со мной желает видеться лицо, имеющее отношение к посольству.

Председатель. — «Кто-то», ведь это серьезная вещь. Лицо, имеющее отношение к германскому посольству, желает с вами видеться, и это вам «кто-то» говорил. Кто же это «кто-то»?

Протопопов. — Мне казалось, Ашберг, мой знакомый стокгольмский банкир, а оказалось Варбург.

Председатель. — Ведь это серьезное событие.

Протопопов. — Серьезного тут нет и большого тут нет. Это есть интересное событие. Я думал, что Варбург советник посольства, потому что при посланниках нет советников, но он есть филиальный агент Германии и даже какой-то господин, кажется, Мзура в «Новом Времени» написал, что Варбург довольно большой господин, не маленький. Начался разговор с того, что он вспомнил мое интервью в Лондоне, и, говоря, что у нас скоро прибавится новый союзник в Германии — голод, он говорил, что это ошибка.

Председатель. — Кто говорил?

Протопопов. — Варбург. Он говорил, что у них прекрасная организация, что голода теперь нет, и что они теперь предупреждают события, а не пресекают. Затем говорил, что в этой войне виновата одна Англия; если бы Англия откровенно сказала, что она будет на стороне России, тогда войны не было бы. Вся ответственность этой войны падает на Англию. Во всяком случае он сказал, что Германия всегда больше даст, чем Англия, Англия всегда обманет Россию, как обманула в 1878 году. Он очень интересно говорил, что Германия не преследует никаких завоевательных целей, а желает только исправления курляндской границы, т.-е. той, что была в мирных условиях. Относительно Франции говорил, что Эльзаса нельзя трогать, а относительно Лотарингии, — можно говорить о том, чтобы пересмотреть границы и вернуть. Затем относительно Польши он говорил так, что Польша есть в России, Австрии, но нет в Германии, и Польша может быть образована только из этого. Я спросил: этнографическая граница или географическая? Он говорит — географическая. Тогда я говорю о громадном разделе Польши. Тут он мне сказал относительно Бельгии, что ее восстановят (*не слышно*), имел секретный разговор с Англией (*не слышно*), которая — слышал Олсуфьев, но он постоянно пишет. Что записано в книжке все более верно.

Председатель. — Зачем вы передали эту книжку Ключареву?

Протопопов. — Потому что было много разговоров в помещичьих кругах, и я хотел передать ее, чтобы он ее показал.

Председатель. — Тут есть маленький вопрос, поставленный одним из членов комиссии — как вы отнеслись к факту замены Штюмером Сазонова?

Протопопов. — Конечно, неодобрительно. Я с Сазоновым был в хороших отношениях, и мне было очень жалко, когда он ушел.

Родичев. — Вы знали, кто такой Штюмер?

Протопопов. — Нет, плохо.

Родичев. — Вы знали его роль при Питириме?

Протопопов. — Чуть-чуть, я его очень мало знал.

Родичев. — Когда вы ступали в министерство, а вы вступили через Штюмера, вы выяснили, какова его программа?

Протопопов. — Нет, не выяснял.

Родичев. — Но вы репортерам, вас интервьюировавшим, сказали, что были согласны с этой программой.

Протопопов. — Это я сделал громадную глупость.

Родичев. — Вы, значит, вступали в министерство без программы?

Протопопов. — Я говорил, что раз это объединенное министерство, я не имею права высказываться.

Родичев. — Вы знали, что вас объединяет?

Протопопов. — Нет. Федор Измайлович, я знаю, вы меня сейчас загоните в угол, и я безусловно уступаю вам. То, что я пошел в министерство, было более, чем ошибка, это было несчастье.

Родичев. — Скажите, когда вы вернулись из-за границы, вы были у государыни и посетили ее раньше, чем государя?

Протопопов. — Этого я не помню.

Родичев. — Это имеет большое значение, потому что вы были назначены через Распутина Штюмером, может быть, через императрицу?

Протопопов. — Помнится, что я был у императрицы, когда я был министром, а до назначения я не был.

Председатель. — Какая беседа произошла между вами и государыней?

Протопопов. — Ничего особенного. Совершенно спокойная тема.

Председатель. — Я говорю о государственном содержании.

Протопопов. — Мы очень мало трогали эту тему. Она была очень образованный человек, с ней было очень интересно говорить, например, о физиократах.

Родичев. — Вы рассчитывали, что будете опираться на общественное мнение страны? Как вы согласовали совместную деятельность со Штюмером и надежду опираться на доверие страны?

Протопопов. — Я прямо скажу, что в ту минуту, когда я принял министерство, у меня было честолюбие, которое бегало и прыгало, значит, я сделал непродуманно и несознательно; если бы я сделал это продуманно и сознательно, или поговорил бы с людьми, которые относятся дружелюбно и спокойно, может быть, ничего бы не было.

Родичев. — После 1 ноября, как могли вы отнестись спокойно к тому обстоятельству, что Штюмер, на брошенное ему в лицо обвинение, не отвечал опровержением этого обвинения, а пригрозил Милюкову привлечением его к ответственности за клевету?

Протопопов. — Это мне, конечно, не нравилось. Я бы сейчас ответил, но я знал, что Штюмер вообще не оратор.

Родичев. — Как вы могли остаться, когда он не мог ответить?

Протопопов. — Потому что меня ужасно обидели, меня самого. Ведь вы помните, меня министры обидели: они заранее сказали, что ни один министр не может отвечать, не прочитав в совете речи, которую он хочет сказать с кафедры. Позвольте, как это так? Я знал, что меня заденут в Думе, и хотел отвечать и, конечно, этой речью многое было бы избегнуто. Они меня подловили, — сначала напиши. Я написал и, когда я прочел, мне говорят — все-таки не говорите. Тогда я говорю, — позвольте, я буду отвечать, как член Государственной Думы.

Родичев. — Почему вы не вышли в отставку?

Протопопов. — Потому, что был глуп и раньше сделал колоссальную ошибку, а потом еще и потому, что разозлился, меня злили, злили. Хотя я три раза просился, но, правда, недостаточно энергично и твердо. Если бы просился тверже, тогда бы я действительно ушел, но тут зло меня взяло. Видите, Федор Измайлович, ведь меня бичевали, меня били, как никого не били, били все, и я сделался не тем человеком, который я есть.

Родичев. — Как вы отнеслись к назначению кн. Голицына?

Протопопов. — Это очень почтенный человек, я его видел первый раз в жизни.

Председатель. — Его роль в тверском земстве вам неизвестна?

Протопопов. — Совершенно неизвестна.

Родичев. — И вы не позаботились узнать об этом?

Протопопов. — Я знаю, что он дядя Ушакова, моего товарища.

Родичев. — А что он был товарищем Штюмера по экзекуции тверского земства, это вы знали?

Протопопов. — Я из вашей речи узнал, что он в тверском земстве что-то набедокурил.

Родичев. — Значит, к отсрочке занятий Государственной Думы вы отнеслись положительно? А к назначению Штюмера?

Протопопов. — Я со Штюмером никогда дружен не был, вы знаете, сколько он мне неприятностей сделал.

Родичев. — Как вы проектировали новые выборы, как вы к ним готовились?

Протопопов. — К ним я совершенно не готовился.

Родичев. — Никаких мер не принимали, никаких запросов губернаторам не рассылали?

Протопопов. — Хотел разослать или разослал — не помню; но о том, какое влияние война окажет на списки избирателей, — это, помнится, я послал.

Родичев. — А не случилось вам говорить, что вы хотели бы роспуска Думы?

Протопопов. — Я думаю, что нет, а может быть.

Председатель. — Какой же смысл такого запроса губернаторам, — как влияет война на изменение списков?

Протопопов. — Нужно было продлить еще полномочия.

Председатель. — Но как же, какой смысл?

Протопопов. — Будет ли более левая или более правая.

Председатель. — Т.-е. вы решение вопроса о роспуске Думы хотели поставить в связь с тем вопросом, предполагается ли более...

Протопопов. — Я так сильно не думал об этом. Мне хотелось выяснить, можно ли делать или нет.

Председатель. — Т.-е. с точки зрения — можно ли делать выборы в осуществлении надежды получить правую Думу.

Протопопов. — Не правую... Где же правую можно надеяться получить... Немыслимое дело, никто не мог надеяться.

Председатель. — Но более правую.

Протопопов. — Возможно более правую.

Родичев. — Вам не случилось лицам, которые к вам приходили в качестве просителей административных мест или крупных назначений — не случилось излагать, что их ожидает?

Протопопов. — Федор Измайлович, это очень трудно представить, я никогда не заставлял их быть людоедами.

Родичев. — Я вам конкретизирую. Не случилось ли вам говорить: вам придется принимать крутые меры. Не случилось вам предупреждать лиц, которые приходили к вам искать места?

Протопопов. — Может быть, но не думаю.

Родичев. — Тем, которым вы делали экзамен их политической благонадежности?

Протопопов. — И потом, чтобы он уходил, не получивши места?...

Родичев. — Не случилось вам?

Протопопов. — Нет, вы знаете, я резко никогда не говорил.

Родичев. — Вполне удовлетворен. Скажите, вы говорите, не по вашей инициативе, но с вашего ведома был арестован рабочий военно-промышленный комитет, и список арестованных был составлен министерством внутренних дел?

Протопопов. — Совершенно не знаю.

Родичев. — Не знаете, все были арестованы, или не все?

Протопопов. — Безусловно Министерством Внутренних Дел, в этом нет сомнения, потому что откуда военное ведомство могло узнать.

Родичев. — Следовательно вы знали об этом списке?

Протопопов. — Нет, я списка не видел.

Председатель. — Но Александр Дмитриевич Протопопов не отрицает, что он отдал распоряжение об аресте рабочих групп.

Родичев. — Меня интересует этот вопрос потому, что не все были арестованы.

Протопопов. — Я знал, что 4 человека не было арестовано, но потом они были арестованы.

Родичев. — Не был арестован Абросимов, следовательно, вы об этом знали.

Протопопов. — Позвольте, Федор Измайлович, как это вы говорите, я знал, что 4 человека было не арестовано и в том числе Абросимов. А что вы хотите этим сказать — вы хотите поставить вопрос, знал ли я, что в рабочей группе есть сотрудники? Вы это хотите сказать?

Председатель. — Да.

Родичев. — Простите, мы вас спрашиваем, а не вы нас спрашиваете.

Протопопов. — Простите, если я вас обидел.

Председатель. — На вопрос о том, что в рабочей группе были сотрудники, вы говорите — да, мне об этом говорили.

Протопопов. — Мне говорили, что у нас есть сотрудники в военно-промышленном комитете.

Родичев. — Кто говорил?

Протопопов. — Либо Глобачев, либо... департамент полиции не в курсе дела.

Председатель. — Дело идет не об имени, а о том, что в составе рабочих, входивших в военно-промышленный комитет, были сотрудники.

Протопопов. — Этого я не могу сказать о рабочих. Но в военно-промышленном комитете у нас есть... Позвольте, мне даже говорили, помнится мне, какой-то счетовод был. — Сотрудники, вообще, есть, это я знал, мне это говорили.

Родичев. — Скажите, пожалуйста, за время вашего министерства было весьма деятельное пользование 87-й статьей? Вы разделяли ли ту точку зрения, что 87-й статьей можно пользоваться для всех мероприятий, даже для учреждений министерства?

Председатель. — Т.-е. разделяли ли вы тогда, в бытность вашу министром, потому что сейчас нам не важно...

Родичев. — Во всех предположениях о законоположениях по 87-й статье вы были против?

Протопопов. — По 87-й статье министерство Рейна ведь при мне не проходило.

Родичев. — Министерство в ваше время очень усиленно пользовалось 87-й статьей?

Протопопов. — Личное мое министерство или Совет Министров?

Родичев. — Совет Министров вообще; вы вотировали против?

Протопопов. — Иной раз за, иной раз против.

Родичев. — А сами вы пользовались статьей 87?

Протопопов. — Ведь я провел часть рассмотренного думского законопроекта, это вопрос о полиции. Ведь тогда была забастовка полиции в Москве, громадная вещь, пришлось это провести в порядке 87-й статьи.

Председатель. — Громадная вещь — вы увеличили жалованье полицейским.

Протопопов. — Их положение было ужасное, они получали 17 рублей, полиция бастовала. То, что я внес по 87-й статье, а потом в Государственную Думу, была часть рассмотренного в комиссии 3-й Государственной Думы законопроекта.

Родичев. — В бытность вашу министром, рассылались ли по местным учреждениям циркуляры о том, как действовать во время народных волнений?

Протопопов. — Лично мною нет.

Председатель. — Лично вами нет. А по департаменту полиции?

Родичев. — Лично вы ответственны за деятельность Министерства Внутренних Дел.

Протопопов. — В самом деле ведь нельзя же лицо, которое имеет известный круг власти, делать ответственным за эту власть в полном объеме. Ответственен ли Хвостов за беспорядки в Москве? Конечно, нет, не может быть ответственным в полной мере то лицо, которое не выходит из пределов своих обязанностей. Например, если товарищ министра разъясняет и посылает циркуляры, я являюсь косвенно ответственным, как министр, за товарища министра, но только нравственно, юридически же ответственность падает всецело на него.

Соколов. — Вы назначены были в начале, кажется, сентября министром внутренних дел?

Протопопов. — Нет, помнится 20-го.

Завадский. — 16-го сентября.

Соколов. — Вот вы в первой части вашего рассказа сказали, что ваши свидания с государем, где возник вопрос о вашем назначении, были в июне. Вы вернулись из-за границы, имели разговор с Сазоновым, после которого последовало приглашение государя в Ставку, и тогда возник вопрос о вашем назначении министром.

Протопопов. — Нет, государь мне сказал, что мы будем иметь случай поговорить.

Соколов. — Вы тогда предполагали, что вам будет предложен пост министра торговли и промышленности?

Протопопов. — Я думал.

Соколов. — С этим временем совпадают ваши переговоры об издании газеты?

Протопопов. — Это было раньше, до заграничной поездки.

Соколов. — Но это совпадает с заключением договора, вы в это время в договор внесли пункт о том, что ваши права и обязанности по газете отпадают в случае получения министерского поста.

Протопопов. — Это было вначале внесено Осокиным во время составления договора; по этому делу разговоры шли очень долгие. Началось это во время съезда металлургического. Я понимал, что все хотят этой газеты, и у меня возникла мысль создать этот крупный орган, в котором пайщиками были бы представители торговли и промышленности.

Соколов. — Когда это было?

Протопопов. — Это было до моего отъезда за границу, потому что я говорил об этом в Лондоне.

Соколов. — Это было до вашей поездки за границу, вне связи с разговором с отрекшимся государем. Я понимаю, что после разговора с государем у вас могла мелькнуть мысль...

Протопопов. — Мелькнула мысль.

Соколов. — ...что вы можете быть министром, но в связи с какими обстоятельствами вашей жизни, до поездки вашей за границу, могла мелькнуть у вас мысль, что вы можете быть министром?

Протопопов. — У меня была фантазия: Михаил Владимирович Родзянко говорил мне, что я мог бы быть министром торговли и промышленности.

Соколов. — У вас эта мысль мелькала, в связи с разговором с Родзянко, настолько, что вы считали возможным это внести в деловой договор?

Протопопов. — Не у меня. Это мысль самого создателя этого органа Осокина и финансирующего учреждения этого банка.

Соколов. — Вы не спрашивали Осокина, почему у него мелькала мысль, вступая в договор, что он должен оговорить, каковы будут последствия в случае вашего вступления на пост министра. Одно из оснований — вы сообщили ему разговор Родзянко, который не указывал специально, что вы можете получить пост министра.

Протопопов. — Он мне говорил: «Вот я сегодня сказал государю, чтобы вас назначили министром торговли и промышленности».

Соколов. — Не было ли у вас других оснований, разговоров с Бадмаевым или другими?

Протопопов. — С Бадмаевым вечное хихиканье и смешки, что я буду министром; когда я поехал за границу, газетная молва сопровождала меня, что я буду министром.

Соколов. — Нас газетная молва не интересует. Меня интересует разговор с Бадмаевым, вечные смешки, вечное хихиканье, что вы будете министром.

Протопопов. — Вы желаете знать, базировался ли я на том, что сказал мне Распутан? Я прямо скажу, что Распутину я не верил, считал и считаю до сих пор, что он устроить меня не мог; советовать он мог, но решать не мог.

Соколов. — Бадмаев вам говорил, теперь выходит, что и Распутин вам говорил, что вы будете министром.

Протопопов. — Нет, Распутин мне ничего не говорил. Он говорил, что нужно только видеть государя, и я буду министром.

Соколов. — Это было до поездки за границу?

Протопопов. — Я не искал...

Соколов. — Вы не подтверждаете, что Распутин неоднократно говорил вам, что стоит побывать у государя и вы будете министром.

Протопопов. — Нет, не то, что неоднократно, а один раз это было сказано.

Соколов. — Сколько лет вы знакомы с Бадмаевым?

Протопопов. — Лет 20—25.

Соколов. — Когда вы стали встречать Распутина у Бадмаева?

Протопопов. — Когда я был болен.

Соколов. — Когда это было?

Протопопов. — Около трех лет назад.

Соколов. — Вы сказали, что встречались с Распутиным раз 12—15.

Протопопов. — Я подсчитывал это, я его видел раз 15.

Соколов. — Какие разговоры были у вас с Распутиным при ваших встречах на политические темы?

Протопопов. — Политических тем я не затрагивал, но, допустим, он терпеть не мог Хвостова или Белецкого. Он скажет: «А плохой, плохой». А о политике я не мог с ним говорить — какие могли быть с ним политические разговоры? Последнее время он, действительно, давал некоторые советы, даже практического свойства: например, для того, чтобы не было хвостов, сделать так, чтобы в одну дверь пускать, а в другую выпускать.

Соколов. — Вы сообщили, что он говорил вам о своем влиянии в Царском.

Протопопов. — Нет, он так не говорил, это было ясно. Он, повидимому, ни перед кем не скрывал, что он там человек близкий.

Соколов. — С кем?

Протопопов. — Близкий для всей семьи.

Соколов. — С бывшей государыней, государевыми дочками; а из лиц, окружающих государыню?

Протопопов. — Самый близкий к государю и государыне человек — это была Вырубова. Она была свой человек.

Соколов. — Эту близость с Вырубовой, с Распутиным, вы вынесли из разговоров с Распутиным или другими?

Протопопов. — Все про это говорили.

Соколов. — Вы сообщили, что когда Крупенский передал вам адрес прогрессивного блока, вы передали копию декларации Штюмеру. Что же Штюмер, узнав, что это передал Крупенский, член прогрессивного блока, счел нормальным это явление? Или как он отнесся к этому, в виду того, что Крупенский был должностным лицом, как к чисто случайной его товарищеской услуге?

Протопопов. — Я лично думал, что я Штюмеру покажу адрес, но что он не будет оглашать его; для меня было большим сюрпризом, что он снял копию.

Соколов. — Я спрашиваю, как Штюмер отнесся к этому?

Протопопов. — Я поступил нехорошо, передав это Штюмеру, но я думал, что можно будет сговориться, может быть будет ответ на это.

Соколов. — Штюмер знал, что Крупенский член прогрессивного блока?

Протопопов. — Я не знаю.

Соколов. — Создается такое положение: Крупенский — член Государственной Думы, член прогрессивного блока, сообщающий главе правительства о том, что предполагает прогрессивный блок; как он отнесся к роли Крупенского?

Протопопов. — Он ничего не говорил.

Соколов. — А как вы отнеслись, как к товарищеской услуге или как к выполнению служебного долга?

Протопопов. — Я не считаю, чтобы Крупенский был на жалованье, в качестве информатора того, что происходит в думской среде; он часто сообщал мне.

Соколов. — Значит, вас не поразила явка Крупенского с таким докладом?

Протопопов. — Я скажу, что это дело неладное, неладное.

Соколов. — Вы приписываете это его дружеским к вам отношениям?

Протопопов. — Да, но я считаю, что это было не больно хорошо.

Соколов. — Из вашего показания я вывел следующее: когда вы задумали возможность роспуска Думы, вы считали этот роспуск опасным. Какие перспективы вам рисовались?

Протопопов. — Я считал, что это потрясет страну, потому что цементировала...

Соколов. — Вы считали, что могут возникнуть волнения и беспорядки?

Протопопов. — Совершенно понятно.

Председатель. — Вы устали. Может быть сделать маленький перерыв.

Протопопов. — Я не устал. Я так благодарен, что вы меня спрашиваете, у меня так накопело.

Председатель. — Вы в состоянии продолжать?

Протопопов. — С радостью.

Соколов. — Не было ли на эту тему у вас разговоров с вашим товарищем Волконским, которому вы сообщили о вашем намерении распустить Государственную Думу, а Волконский сказал, что это опасно делать?

Протопопов. — Нет, многие мне рассказывали, что Волконский передает все разговоры, которые я с ним имею. Я с ним был очень дружен. Я застал его на уходе, ибо А.Хвостов хотел его устранить. Я просил государя не устранять, я относился к нему с полным доверием. Я не знаю, что я ему сказал, может быть иной раз я ему и высказывал какие-нибудь мысли; я к нему относился как к товарищу, у меня была 10-летняя с ним дружба.

Соколов. — Как ваша мысль вам рисовалась?

Протопопов. — Я не мог быть органически против Государственной Думы.

Соколов. — Вы говорили, что так как Государственная Дума повышает настроение, и так как настроение это опасно, то это привело вас к соображению о роспуске, хотя бы в виде временного перерыва. Значит, в конце концов вы нашли возможным распустить Государственную Думу и вместе с тем предусматривали, что из этого могут произойти волнения в населении.

Протопопов. — Я все-таки колебался до конца, думал — можно распустить, нельзя распустить, и в душе, когда я об этом думал, я колебался — никогда не пришел к убеждению, что можно распустить.

Председатель. — Когда в Совете Министров зашел вопрос о роспуске Государственной Думы, вы вотировали за роспуск?

Протопопов. — Нет.

Председатель. — За перерыв?

Протопопов. — Да.

Соколов. — Когда вы убедились, что перерыв может повлечь за собой народное волнение...

Протопопов. — Конечно, конечно, я думал. Заметьте только, когда я пошел — в министерство ли Штюрмера или другое министерство, я служил тому режиму, которого теперь нет, естественно я думал о том, что служить нужно. Я говорю, может быть это была роковая ошибка, что я пошел, но она была совершена; конечно, я думаю, что да, это была роковая ошибка. Но совершенно естественно ведь и при новом режиме, если останусь жив, я останусь на что-либо способным, я буду при нем жить и служить родине, чтобы быть полезным, как смогу, и буду считать нарушением закона...

Соколов. — Вы предусматривали возможность волнений в населении за перерывом занятий в Государственной Думе, но все-таки считали, что этот перерыв нужен для сохранения режима, и когда был выбор, охранять ли режим или вызвать волнение населения, вы предпочли охранять режим, чем избежать волнений в населении?

Протопопов. — Я никогда так не думал, охранять режим или вызвать волнение в населении: во-первых, одно исключает другое — вызвать волнение в населении, это не спасает режим, а сломит его.

Соколов. — Почему же вы, предусматривая возможность волнений в населении, все-таки согласились на перерыв в занятиях Государственной Думы.

Протопопов. — Последний раз, 25-го, были уже волнения громадные. Перерыв тогда прошел единогласно, не было ни одного человека, который возражал бы против.

Соколов. — Чем же мотивировали это вы и ваши товарищи министры в тот момент, когда волнения начались?

Протопопов. — Думали, что на следующий день волна упадет.

Соколов. — Под влиянием?

Протопопов. — Нет, не роспуска, а потому, что пошли слухи, что рабочие стали на работу.

Соколов. — Но для чего же нужен был перерыв?

Протопопов. — Чтобы волнения вновь не начались.

Соколов. — Вы приписывали Государственной Думе, считали ее возбудителем настроения и концентрацией этого настроения.

Протопопов. — Да, это была ошибка, потому что если бы Государственной Думы не было, это было бы хуже.

Соколов. — Вы сообщали, что из департамента полиции к вам шли слухи о нарастании движения. Как рисовалось в отчете департамента полиции это движение?

Протопопов. — Движение это рисовалось мне таким образом, что вся Россия взбаламученное море, и притом — где слои, которые были бы довольны? Таких нет. — Где слои, на которые можно было бы опираться, внушали бы доверие? Таких нет, — вот какую картину представляла вся Россия.

Председатель. — Следовательно?

Протопопов. — Очевидно кувырнемся, полетим. Вот почему мне вообще хотелось сделать так, чтобы люди имели счастье, чтобы они могли быть довольными, вот почему мне хотелось провести еврейский вопрос, обеспечить духовенство.

Соколов. — Об этом вы говорили в вашей программе, но мне хотелось бы другого; в этих сведениях о нарастании движения — каковы были сведения департамента полиции о настроении войска, офицеров, командного состава?

Протопопов. — Отвратительные.

Соколов. — Отвратительные для старого режима?

Протопопов. — Отвратительные.

Соколов. — Какие же?

Протопопов. — Не могу сказать.

Соколов. — Ожидалось ли, что в случае волнения войска перейдут на сторону народа?

Протопопов. — Не ожидалось, в войсках ведь у нас нет агентов.

Соколов. — Вы ожидали, что в случае появления волнений войска подавят их?

Протопопов. — Трудно сказать. Мне казалось, что все, что касалось фабрик и заводов, это — это левый элемент, а то, что пришло из деревни — это правый элемент. Это мое мнение было, и который элемент возьмет верх, как будет, — бог знает.

Соколов. — Это в войсках, так что вы по этому вопросу не думали, не знали, что войска станут на сторону?

Протопопов. — Для меня это явилось неожиданностью.

Соколов. — Теперь перейдем к вопросу о Курлове; вы говорили, что у него было два несчастья, первое — убийство Столыпина, а второе?

Протопопов. — Его выгнали из Риги.

Соколов. — Вам было известно...

Протопопов. — Ничего неизвестно.

Соколов. — Вам было известно, что он был устранен, очевидно, из-за неблагоприятных поступков?

Протопопов. — Нет, он ничего неблагоприятного не сделал. Ведь об этом есть особое расследование генерала Баранова.

Соколов. — Я потому и спрашиваю. Значит, вы знали, что он сделал? Принимая его на службу, вы знали результаты комиссии генерала Баранова?

Протопопов. — Это нуль, он ничего не сделал, это расследование ровно ничего не представляет.

Председатель. — Вы сказали на вопрос члена Комиссии, что у вас было барановское расследование; теперь вы говорите, что это ровно нуль, т.-е. не имело никакого в ваших глазах значения.

Протопопов. — Нет, само по себе оно ничего не говорит, что сделал Курлов дурного.

Председатель. — Нуль в том смысле, что не оказалось никакого преступного действия Курлова?

Соколов. — Характеризуя положение Курлова в вашем министерстве, вы сказали, что он был по должности председателем особого совещания, но впутывался во все.

Протопопов. — Как впутывался, неужели я это сказал?

Председатель. — Действительно, вы это сказали, может быть вы разъясните, что это значит?

Протопопов. — Неужели я это сказал, что он впутывался, это значит я плохо выразился — отвратительно. Дело в том, что Курлов человек, который специализировался на департаменте полиции, человек, который был врожден к этому делу.

Соколов. — Так что он, значит, впутывался в дела департамента полиции, я так понимаю.

Протопопов. — Я думаю, что нет, потому что Васильев человек самостоятельный, самолюбивый...

Соколов. — Вы считали его врожденным к этому делу, он был председателем особого совещания, где директор департамента полиции является докладчиком, так что, пользуясь своим положением председателя, не мог бы он действительно держать в своих руках дела департамента полиции?

Протопопов. — Думаю, нет, но как человек более юркий...

Соколов. — Рожденный для департамента полиции, поставленный на место, где он может влиять на дела департамента, он действительно и влиял на департамент полиции?

Протопопов. — Я право не знаю.

Соколов. — В Минске, где он был.

Протопопов. — Не знаю.

Соколов. — Вам была известна история Курлова в 1905 году, когда прокурор минского окружного суда Бибииков хотел привлечь его к ответственности за расстрел в Минске мирных жителей?

Протопопов. — Я этого не знал.

Соколов. — Может быть вы знали, что то лицо, которое вы приглашали на пост товарища министра внутренних дел...

Протопопов. — Я не знал в подробностях. Я знал, что в него кинули там бомбу.

Председатель. — Вы были с ним на «ты», были дружны?

Протопопов. — Я с ним однополчанин.

Соколов. — Во время убийства Столыпина вы были товарищем председателя Государственной Думы?

Протопопов. — Нет.

Соколов. — Вы были членом Государственной Думы? Жили в Петрограде? Вы не вспомните ли историю — не в связи с убийством Столыпина, когда Курлов был товарищем министра при Столыпине, когда арестовывали Лопухина, был произведен обыск у этого самого Бибикова?

Протопопов. — Не знал.

Соколов. — Вы знали, что Курлов не пользовался хорошей репутацией в обществе, что для вас его назначение на пост товарища министра связывалось с известной неприятностью.

Протопопов. — Сознавал.

Соколов. — Под каким давлением было сделано это назначение, зачем вы себе причинили эту неприятность?

Протопопов. — Совершенно верно. Я причинил ее себе по двум причинам: я считал, что не всегда человек виноват, когда его бранят; для меня это было слишком неутешительным примером, потому что бранить так ужасно, как меня бранили, так жестоко...

Соколов. — Это соображение ясное. Теперь, вторая причина.

Протопопов. — Я очень верил, что он переменится. Мне казалось, что этот человек умный, сумеет принести пользу делу и поставит дело. Я считал, что это большая умница. Это отнять у него нельзя; прекрасно знает законы, этого отнять нельзя.

Соколов. — Ведь вы сказали, что у вас директором департамента полиции был Васильев, которого вы считали честным и пригодным человеком.

Протопопов. — Да ведь я поставил его.

Соколов. — Для чего же вам был нужен Курлов?

Протопопов. — Курлов близкий человек. Мне хотелось провести его на место, об этом мне неловко говорить.

Смиттен. — Командиром корпуса жандармов?

Протопопов. — Да, вот куда мне хотелось, но так как я этого не мог сделать, мне помешали, то...

Соколов. — Курлов был близким и Бадмаеву?

Протопопов. — Очень.

Соколов. — Вы за последнее время часто с ним встречались у Бадмаева?

Протопопов. — Он жил у него три года.

Соколов. — Значит, при ваших встречах у Бадмаева с Распутиным и Курловым...

Протопопов. — Я не так часто бывал.

Соколов. — Еще кто бывал в ваших совместных посещениях?

Протопопов. — Совместных не было никогда.

Соколов. — Сам Бадмаев, Курлов, приезжал Распутин, разговаривали одновременно Бадмаев, Распутин и вы. Еще кто бывал?

Протопопов. — У него дети есть, смотря где, на даче или в Петрограде. На даче чужих никогда не было.

Соколов. — Почему Распутин бывал у Бадмаева, какая связь?

Протопопов. — Они дружны были, друг друга очень любили.

Соколов. — А Вырубова бывала у Бадмаева?

Протопопов. — У Распутина бывала, у Бадмаева нет.

Соколов. — А Мануйлов-Манасевич?

Протопопов. — Нет. Может быть и бывал, я не знаю. Манасевича-Мануйлова я встречал у Белецкого несколько раз, хотел его взять даже корреспондентом газеты, ведь он был в «Новом Времени».

Соколов. — А вам было известно об определенном его положении в Министерстве Внутренних Дел?

Протопопов. — Это стало мне известно, когда я пришел в министерство.

Соколов. — Что же вам стало известно?

Протопопов. — Просто человек совершенно невозможный.

Соколов. — Нет, а его положение в министерстве?

Протопопов. — При мне он уже не был.

Соколов. — А раньше он был чем?

Протопопов. — Кажется, причисленным к министерству, но при мне не было. Его уже выгнал Хвостов.

Соколов. — Когда вы сделали министром внутренних дел, тогда вы не узнали о делах Курлова что-нибудь не одобрительное?

Протопопов. — Нет.

Соколов. — Вот об удалении его сразу после убийства Столыпина.

Протопопов. — Сразу.

Соколов. — А о его обвинении в растратах?

Протопопов. — Нет, какие растраты? Я помню потому, что это было дело Трусевича. Трусевич был назначен. У нас в Думе говорили, что получил 900 тысяч рублей, когда на самом деле получил 300 тысяч.

Председатель. — Где получил?

Протопопов. — При Столыпине 300 тысяч вся охрана стояла.

Соколов. — Так что растрата 900 тысяч совершена не была, было 300 тысяч, но тогда на что же он охранял? Так что вы считаете, что вся охрана царя за время пребывания в Киеве должна была стоить 300 тысяч?

Протопопов. — Я считаю, что всякого рода охранные и секретные деньги ужасно опасны.

Соколов. — Легко впасть в соблазн?

Протопопов. — Оттого я и сделал предосторожность и просил у государя разрешение, чтобы некоторые суммы были известны не только мне, но и контролеру, что и записано в советском журнале. Но до этих сумм не добрались.

Соколов. — Так что вы, приглашая Курлова, знали, что против него были известные нарекания в связи с 300 тысяч или 900 тысяч?

Протопопов. — Я не верю, чтобы он украл, потому что он совершенно нищий.

Соколов. — Вы, значит, игнорировали эти слухи?

Протопопов. — Я не игнорировал, я боялся.

Соколов. — Из вашего показания я записал следующие слова: «Даже незлобивое сердце никогда не нужно сразу бить и добивать, потому что оно тогда делается действительно нехорошим и потому рождаются дурные чувства». Вы этим определяете свою политику. Какие дурные чувства были у вас?

Протопопов. — Вот если бы Дорошевич мне сказал...

Соколов. — Какие у вас дурные чувства явились под влиянием нападений на вас общественных элементов?

Протопопов. — Родился известного рода протест, — а вот я все-таки... Если бы на меня так не нападали, я бы не протестовал. А вот я буду сидеть, и все-таки я сидел. Злоба была.

Соколов. — Позвольте вернуться к 14 февраля. У вас получены были сведения, что 14 февраля готовится движение в Государственную Думу, вы знали об этом. Какие меры вы приняли к тому, чтобы этого движения не было?

Протопопов. — Это не мое дело, принимать или не принимать меры. Это дело главнокомандующего войсками, как генерал-губернатора, и они принимались и мне ничего не говорили. Например, во время забастовок, им принимались меры по разговору с министром торговли. Брали в окопы известный возраст. Я даже этого не знал.

Председатель. — Кого брали в окопы?

Протопопов. — Рабочих.

Соколов. — Но вы нам сказали, что, конечно, военные власти не могли без сообщения Министерства Внутренних Дел арестовывать группы рабочих военно-

промышленного комитета, так как где же военным знать. Значит, военные, по вашему мнению, самостоятельными сведениями о готовящемся 14 февраля движении не могли располагать, значит ваш орган, ваше министерство должно было сообщать ему.

Протопопов. — Безусловно сведения сообщались, помимо меня было непосредственное сношение с начальником округа.

Соколов. — А что они сообщали?

Протопопов. — Вероятно, то же самое, что и мне. Ведь Хабалов написал письмо А.Гучкову о том (помните письмо), что запрещает совещания, группы и т.д.

Соколов. — Вам известно было об этом письме?

Протопопов. — Он читал его даже в Совете Министров.

Соколов. — Значит, Хабалов в Совете Министров говорил о необходимости организовать и о необходимости бороться 14 февраля против движения. Не сообщал ли он, какие меры выработывались, чтобы бороться?

Протопопов. — Совершенно нет. Под его председательством меры выработывались в штабе или градоначальстве.

Соколов. — Но кто был от Министерства Внутренних Дел?

Протопопов. — Балк.

Соколов. — А в центральных органах не была вам известна фамилия генерала Гордона?

Протопопов. — Первый раз слышу.

Соколов. — А какие лица участвовали?

Протопопов. — Не могу сказать, это совершенно до меня не касается, ибо на театре военных действий ответственность за меры, для поддержания спокойствия, принимается командующим войсками.

Соколов. — Так что вы совершенно не интересовались, какие меры?

Протопопов. — Мне говорили, что будут специальные.

Соколов. — Вы представляете, конечно, что если есть движение, демонстрации, манифестации, то есть и разного рода способы борьбы. Можно воспрепятствовать, чтобы толпы не проникали в город, можно разделить, можно убедить. Вы, думая, так сказать, о судьбах родины, не пытались узнать, какие меры приняты генералом Хабаловым?

Протопопов. — Он не мог мне сообщать. Я меня было расписание частей, которые мне дал Балк.

Соколов. — Что это значит расписание частей?

Протопопов. — Кажется, шесть полицеймейстерских частей в городе и какая часть где сидит, войсковая и полицейская, все меры находятся в одних руках.

Соколов. — Как по расписанию рисовался план борьбы?

Протопопов. — Совершенно не могу сказать, ну тысяч 12 всего можно считать.

Соколов. — Вы не определяли характера мер, что меры будут кровавые, жестокие?

Протопопов. — Это зависит от того, как разыгрываются события. Естественно, когда начинается бойня, то она делается отвратительной, но я должен сказать, что 25 числа... У меня нет под рукой тетрадки, я все думал, в чем я грешен...

Председатель. — Какого месяца?

Протопопов. — Я попал сюда 27. Да 25 я уже вечером не был министром. Я ушел из дворца вследствие того, что была послана телеграмма государю, что необходимо снабдить диктаторскою военною властью и большой, даже широкой властью председателя Совета Министров, и так как одновременно с этим говорили, что очень на меня люди сердятся, что толпа наэлектризована моим именем, то это беспокоило министров и думали, что лучше будет, если я сложу с себя это звание, на что я имел право, так как по 158 статье Совет Министров имеет право принимать экстраординарные решения, и тогда я сложил и ушел, ночуя в этот день в канцелярии.

Председатель. — В чем же выразилось это?

Протопопов. — Это постановление Совета Министров, которое принято и должно быть записано в журнале.

Председатель. — Должно быть или записано?

Протопопов. — Должно быть. Все должны помнить, потому что мне Голицын говорил: «Я вас очень благодарю от имени Совета за то, что вы приносите себя в жертву».

Председатель. — Вы сказали, что в Совете Министров Хабалов читал это расписание?

Протопопов. — Нет, письмо по поводу запрещения собраний.

Председатель. — Как он попал в Совет Министров?

Протопопов. — Он ходил очень часто, потому что всякого рода объявления народные о крепких напитках и так далее проводились через Совет Министров обязательным постановлением.

Смиттен. — Это то самое заседание Совета Министров в день роспуска Государственной Думы, когда вы перестали быть министром внутренних дел?

Протопопов. — Нет, тогда я еще был, а это в Мариинском дворце вечером 25 числа, так часа в 4.

Смиттен. — В какой день?

Протопопов. — У меня выходит 25 число.

Смиттен. — Не число, а день.

Протопопов. — Вы знаете, когда сидишь в этой штуке, забудешь все дни и часы.

Соколов (обращаясь к председателю). — Разрешите мне спросить, у меня вопрос отдельный о заграничной поездке (*обращаясь к Протопопову*). — Следя за вашим сообщением о том, что вам Варбург говорил во время свидания, я поражаюсь степени вашей памяти, потому что вы буквально говорили то, что писали в газетах.

Протопопов. — Я очень много раз об этом рассказывал.

Соколов. — Все так, как вы говорили, и теперь думаю, что у вас этот эпизод крепко засел в голове. Мне хотелось бы опереться на эту память и восстановить конкретные картины. Значит, это было не в частной квартире, а в гостинице. Теперь, с кем вы пришли и кого увидели?

Протопопов. — Это, я должен сказать, я могу спутать, точно так же, как мог спутать и Олсуфьев, в особенности Олсуфьев.

Соколов. — Кто там был?

Протопопов. — Там был Поллак.

Соколов. — Кто это Поллак, это русский подданный?

Протопопов. — Да.

Соколов. — Он не играл роли нашего информатора за границей?

Протопопов. — О, нет, он очень хороший человек.

Соколов. — Кто он, промышленник?

Протопопов. — Кажется, промышленник.

Соколов. — Потом кто?

Протопопов. — Я думал Ашбург, а там оказался Варбург. Олсуфьев, которого я просил..., а он говорит, что я выдумал немца, а между тем я хотел...

Соколов. — А вы не ожидали, что там будет не Варбург, а сам посланник?

Протопопов. — Я думал это.

Соколов. — Варбург не говорил, что посланник случайно не был?

Протопопов. — Я написал, но это не соответствует истине и вернее, так сказать, натяжка в разговоре, беллетристика; провести грань точную, где начинается искажение беллетристическое трудно. Ведь, когда рассказываешь или записываешь, то легко впасть в ошибку.

Соколов. — С кем из русских вы встречались после переговоров с Варбургом? Вы сколько дней пробыли еще в Стокгольме?

Протопопов. — С утра до послезавтра.

Соколов. — В эти полутора суток кого вы еще видели из русских?

Протопопов. — Там живет Марков, журналист.

Соколов. — Не встречались ли с кн. Бебутовым?

Протопопов. — Да.

Соколов. — Вы не были знакомы с ним раньше?

Протопопов. — Нет, не помню.

Соколов. — А как вы встретились?

Протопопов. — В гостинице, в холле.

Соколов. — Вы подошли к нему?

Протопопов. — Нет, ни в каком случае не я. Наверно он ко мне подошел, но я помню — Бебутов. Эта фамилия осталась у меня в памяти.

Соколов. — Он не принимал участия, чтобы устроить собеседование с Варбургом?

Протопопов. — Не помню.

Соколов. — Но возможно, что он принимал участие?

Протопопов. — Не знаю.

Соколов. — О чем вы говорили? Политические темы затрагивались?

Протопопов. — Я мельком помню фамилию, но я его не узнал бы, если бы увидел.

Соколов. — Я не имею больше вопросов.

После перерыва.

Завадский. — Можете ли вы сказать, когда вы были министром внутренних дел, на вас были попытки влиять со стороны Распутина, Вырубовой, Андроникова и др.?

Протопопов. — Это определено. Но никоим образом никаких дел и никаких денежных дел я по своему званию не имел.

Завадский. — Например, Распутин просит, чтобы вы сделали губернатором такого-то.

Протопопов. — Это постоянно бывало. Масса записок было. Ведь получишь бог знает сколько из них $\frac{7}{8}$ совершенно невозможные и безобразные.

Завадский. — Я считаю, что в России всякий министр, даже не министр, а начальствующая часть получает записки от знакомых и может их исполнять или не исполнять, но получать от Распутина было другое дело. Он давил на министров, потому что он был, как вы говорили, челядинец.

Протопопов. — Он на меня особенно не давил, а просто писал: «Милай, дорогой»... а потом безобразия какое-нибудь. Это совершенно верно.

Председатель. — Я вас должен просить давать более определенные ответы. Вас спрашивают, хотят выяснить влияние Распутина. Вы говорите — особенно не давил. Вы не можете не знать, что когда вы говорите — особенно не давил, то, в сущности, вы этим ничего не отвечаете, даете уклончивый ответ. «Особенно не давил» в этом разумного содержания нет, это есть уклончивый ответ.

Протопопов. — Я категорически отвечаю, что исполнял только то, что мне казалось возможным, а остальных требований я не исполнял, и это будет $\frac{7}{8}$.

Завадский. — Позвольте предложить такой вопрос: то, что считали возможным, а исполнили ли бы вы, если бы просьбы Распутина не было?

Протопопов. — Если бы пришел этот самый человек, то я, быть может, и исполнил бы.

Завадский. — Примера не можете вспомнить?

Протопопов. — Ведь все мелочные, так не могу. Крупного, большого ни одного назначения он у меня не просил.

Завадский. — Так что у вас не было назначения вроде назначения Белецкого до вас?

Протопопов. — О, нет.

Завадский. — А вот меня тогда интересует такой вопрос: на каком основании, сделавшись министром внутренних дел, вы сейчас же сместили Степанова?

Протопопов. — Со Степановым была история следующая. Во-первых, Степанов был в очень дурных отношениях со Штюрмером и очень много было сделано в этом отношении. Затем я его мало знал, Степанова, но он мне казался человеком порядочным. Но тут вышла история, которая заставила наши отношения кончить. Это история Мануйлова. Приносит мне письмо секретное Степанов, которое он получил из генерального штаба или из главного штаба, где было изложено при препроводительной записке, что Мануйлова какой-то франт вызывает в Копенгаген на съезд директоров, будто бы, но это надо понимать иначе, что это какое-то совещание.

Председатель. — Простите, я не усвоил вашу мысль, вам стало известно...

Протопопов. — Мне принес эту бумажку Степанов.

Председатель. — Когда?

Протопопов. — Недели за полторы, две. Вот он читает и все неясно. Ссылка на письмо. Я его спрашиваю: «Письмо приложено?» «Нет, — говорит, — письма нет». Тогда я ему говорю: «Будьте любезны, снимите копию, оставьте копию, а в этом генеральном штабе сверьтесь, почему нет подлинного письма. Я судить по этому не могу, как с этим быть». — «В Ставку отослать?», он мне так сказал. «Нет, — я говорю, — какая Ставка?! Сначала надо разобраться». Когда он мне эту штуку прочел, а потом прошло два, три дня, я спрашиваю, а он говорит: «Это оказалось вздор, и письмо совершенно не подтверждает содержания бумаги», — будто он там был...

Председатель. — Т.-е. там в штабе, он, Степанов?

Протопопов. — Да, Степанов. «А копию, — говорит, — извините, я позабыл снять».

Председатель. — С чего копию?

Протопопов. — Да вот с этой бумаги. Это была бумага из штаба.

Председатель. — Он ведь вам ее дал?

Протопопов. — Он и увез ее с собой в штаб и больше я не видел. Мне это показалось подозрительным в связи с тем, что говорил Штюрмер, что бояться можно. И вообще я неодобрительно отношусь к тому, насколько мне это известно, как было ведено дело Мануйлова.

Председатель. — Вы на другой вопрос переходите. Что вам в этом казалось подозрительным и по какому поводу в связи с этим Штюрмер сказал, что нужно остерегаться?

Протопопов. — Он мне все время говорил, что нужно остерегаться.

Председатель. — Остерегаться Степанова в каком смысле?

Протопопов. — Что человек этот очень хитрый.

Председатель. — Что же он изменник, шпион?

Протопопов. — Нет, что он неверный.

Председатель. — Что вам казалось подозрительным?

Протопопов. — Почему не оставил копии, почему письма подлинного не показал, и, потом, по правде сказать, в Степанове мне было неприятно одно обстоятельство: он человек может быть очень хороший и даже, думаю, что хороший человек в общем, честный, потому что мне последующие обстоятельства показали, что он, вероятно, искренний человек, но он выпивал много: каждый вечер был выпивши.

Председатель. — Вы уклонились в сторону от вопроса. Что же вам показалось подозрительным и в каком отношении, т.-е. в чем вы подозревали в тот момент Степанова?

Протопопов. — Просто, что опять таки Мануйловская история подымет смуту, которая, в сущности говоря, до меня совершенно не касалась.

Председатель. — Нет, простите. Вам, министру внутренних дел, товарищ министра внутренних дел предъявляет копию бумаги, полученную от штаба. В этой бумаге содержится указание на конспиративную переписку Манасевича-Мануйлова через Копенгаген с Германиейⁱⁱ, с которой Россия находится в состоянии войны. Так вот, — что делает русский министр внутренних дел с этой, предъявленной ему русским товарищем министра внутренних дел, бумагою?

Протопопов. — Хочет проверить ее.

Председатель. — Что же русский министр внутренних дел сделал распоряжение о проверке этой бумаги?

Протопопов. — Это было сделано.

Председатель. — Вы утверждаете, что это распоряжение было сделано?

Протопопов. — Утверждаю.

Председатель. — Что же русский министр внутренних дел проследил, чтобы это распоряжение его было исполнено?

Протопопов. — Проследил, потому что я спросил Степанова. Он сказал, что разобрал, что письмо подлинное.

Председатель. — Что же он разобрал? Министр внутренних дел убедился, в чем заключался разбор этой таинственной переписки через Копенгаген с Карлсбадом. В чем заключался разбор?

Протопопов. — Мне сказал товарищ, что это не оказалось правильной передачей.

Председатель. — Что не оказалось правильной передачей?

Протопопов. — Содержание этой бумаги не оказалось правильной передачей.

Председатель. — Вы помните содержание той бумаги, которую он передавал?

Протопопов. — Я не помню.

Председатель. — Она содержит в себе перехваченное письмо Манасевича-Мануйлова из Копенгагена о назначении Манасевичем-Мануйловым свидания в Карлсбаде, и об этом вы говорили раньше. Что же сделал русский министр внутренних дел по этому поводу?

Протопопов. — Он сказал своему товарищу: проверьте.

Председатель. — Не будем начинать снова. Товарищ министра сделал это?

Протопопов. — Проверил и сказал, что это письмо не имеет основания.

Председатель. — Это сказал товарищ министра внутренних дел Степанов?

Протопопов. — Да, сказал, что подлинное письмо не соответствует передаче.

Завадский. — В таком случае, что же вам не понравилось в Степанове?

Протопопов. — Ничего особенного не понравилось, потому что мне говорили, что он человек неприятный, человек неверный, которому я имел основания не доверять. Я думал, что он вводил меня во искушение нарочно.

Председатель. — Значит, вам Степанов сказал, что в этой переписке Мануйлова с Германией через Копенгаген нет ничего подозрительного?

Протопопов. — Да, — говорит, — это пустяки. Он мне так сказал, а это оказалось неправильно.

Председатель. — На мой ясный вопрос вы отвечаете ясным — да?

Протопопов. — Что именно, что да?

Председатель. — Т.-е. вам Степанов сказал, что в этой переписке нет подозрительного, что вы за Россию можете успокоиться?

Протопопов. — Да, в этом смысле, так и поняли.

Завадский. — Кроме влияния Распутина, у вас были какие-нибудь просьбы и давления со стороны Вырубовой, Андроникова?

Протопопов. — Андроникова? Ни под каким видом, он даже уехал из Петрограда.

Завадский. — Но когда это было все, в сентябре?

Протопопов. — Несколько раз я его видел.

Председатель. — Не было случаев, чтобы раньше назначения лиц на пост по Министерству Внутренних Дел вы рекомендовали этому лицу или другим, кто его рекомендовал, отправиться к Распутину?

Протопопов. — Нет, этого положительно не помню.

Председатель. — Вы не помните?

Протопопов. — Как, к Распутину? Перед тем, как я возьму на службу?

Председатель. — Да.

Завадский. — Лицо, которое в Заамурье...

Протопопов. — Это Хогондоков—. Нет, это положительно, нет, определенно отрицаю, потому что он был представлен государю и государыне, помнится так. Но при чем же тут Григорий Ефимович? Может быть я его и спрашивал, знает ли он его?

Завадский. — Почему министр внутренних дел спрашивает, знает ли он?

Протопопов. — Распутина? Это я так думал, я не считал ничего предосудительного в этом спросить.

Смиттен. — Ваш ход мысли?

Протопопов. — Ход мысли такой: знает или не знает? Ведь его мне рекомендовал Волконский, и мне он очень понравился, и очень хотелось его взять, но в Царском его не выбрали.

Завадский. — Вы спрашивали его, знает ли он, нравится ли он царю или царице, а не спрашивали, нравится ли Распутину?

Протопопов. — Безусловно, я спросил, кто из них двух нравится. Мейера- я хотел, но мне сказали, что немецкая фамилия. Потом Хогондокова и Спиридовича-совсем не хотели, а чтобы рекомендовал пойти к Распутину, я это отрицаю, что я его посылал к Распутину.

Завадский. — Когда Распутин был убит, есть молва, что вы в тот же день явились к нему на квартиру.

Протопопов. — Я, после убийства? Никогда, ничего подобного.

Председатель. — Так что вы не были в квартире Распутина после его убийства и не послали никого?

Протопопов. — Там была полиция.

Завадский. — А Мануйлов-Манасевич?

Протопопов. — Я не принял его лично ни разу. Он мне писал письма, которые я оставлял без ответа.

Завадский. — Я бы хотел выяснить ваши отношения к делу об убийстве Распутина и к его предполагаемому убийству, что вы докладывали по этому поводу в Царском и какое направление вы советовали царю или царице?

Протопопов. — Было так: когда он был убит, мне утром сказали, что он убит, что он вышел и пропал; начались розыски, тут было показание городского, который говорил, что его позвали, что был в этой комнате Пуришкевич и Феликс и что оба они были пьяны. Затем дальше велись розыски, все очень, конечно, волновались, все были встревожены этим событием; затем, в конце концов, вечером нашли галошу, вытащили тело, которое было положено под мост; затем он был увезен в богадельню морского ведомства, но я сам не был нигде. Я знал, что делается, понимал, что-нужно все это делать без скандалов, по возможности тихо. Затем после того, как было произведено вскрытие, его препроводили в известное место. Я сам там не был, было это передано коменданту, лично я не знал ничего.

Завадский. — Я не про это говорил, мне интересна ваша попытка на другой день отстранить прокурорский надзор посылкой туда генерала Попова.

Протопопов. — Никогда ничего подобного не было.

Завадский. — Из Совета Министров товарищ министра Бальц не телефонировал ли полицеймейстеру о том, чтобы генерал Попов был сокращен, и потом с товарищем министра Бальц вы не имели никакого разговора?

Протопопов. — О чем? Вы мне расскажите, я не понимаю.

Завадский. — Товарищ прокурора окружного суда послал представителя от судебной власти, которого встретил генерал Попов и указал, что он командирован от Министерства Внутренних Дел и устраняет в порядке охраны весь прокурорский надзор.

Протопопов. — Помилуйте, как это могло быть, это не так; вот как это было: его вытащили и положили на мост, мне Попов телефонирует...

Председатель. — Кто это Попов?

Протопопов. — Командир отдельного корпуса жандармов телефонирует мне, что его хотят везти, куда везти? Сначала Макаров, если не ошибаюсь, приехал на мост. Попов узнал его или нет — не знаю, но тут вышли трения. Тот говорит: «Позвольте нам труп», а Попов говорит: «Скажите, куда его доставить, мы сами его доставим».

Завадский. — Какое право он имел, сам Попов, это делать без всяких инструкций?

Протопопов. — Я не помню.

Председатель. — Кто вам об этом сказал?

Протопопов. — Попов.

Председатель. — Будем говорить о том, как было; вы свидетелем не были, вы передаете рассказ Попова по телефону.

Протопопов. — Попов мне телефонировал, что хотят везти труп на салазках. Я говорю этого нельзя, судебная власть должна указать, куда доставить, а как

доставить без скандала, это наше дело. Тогда мне говорит товарищ прокурора палаты, позвольте, как его фамилия, на З кажется.

Председатель. — Завадский?

Протопопов. — Да, да.

Председатель. — Он не товарищ прокурора, а прокурор, ныне сенатор Завадский.

Протопопов. — Да, да, кажется, Завадский. Он мне говорил — на Выборгскую сторону. Я говорю — на Выборгскую нельзя, куда-нибудь в отдаленное место, чтобы не было скандалов.

Завадский. — Я понял, что все-таки инструкция министра внутренних дел, когда идет судебное дело, давала полицейским власть, вопреки распоряжениям судебной власти.

Протопопов. — Я ничем не перечил судебной власти никогда. Судебная власть хотела взять с моста, но передача делается формально; судебной власти нужно его передать, но нужна для этого какая-нибудь форма, и тут Макаров действительно высказал какую-то претензию. Я не был в Совете Министров. Бальц был, я просил вероятно Бальца распоряжаться.

Председатель. — Так, значит, надо понимать — вы инструкции Попову не давали?

Протопопов. — Т.-е. какую инструкцию?

Председатель. — Инструкцию к устранению судебной власти.

Протопопов. — Нет, о перевозке может быть.

Председатель. — Тут интересуются вопросом об устранении судебной власти.

Завадский. — Попов заявил, что он может уйти, так как в порядке административной власти, а не судебной...

Председатель. — Этот инцидент позвольте считать исчерпанным.

Завадский. — Тогда он сам, значит он самозванец, вот что меня интересует. Тогда утверждали, что вы в Царском Селе настаивали на том, что это вопиющее преступление и что нужно параллельно производству судебного расследования вести и внутреннее дознание по Министерству Внутренних Дел, помимо судебного расследования.

Председатель. — В этом вопросе есть две вещи — утверждали ли вы в Царском, что это есть исключительное дело и потому должно быть дознание в ведении Министерства Внутренних Дел, это во-первых, а во-вторых, производилось ли вами дознание в Министерстве Внутренних Дел?

Протопопов. — Все это было изложено на бумаге и передано в Царское Село до того момента, как дело шло. Отыскивали труп...

Председатель. — Простите, то, что вы сказали, это не есть ответ на вопрос. Вопрос заключается в том, говорили ли вы в Царском Селе, что это вопиющее дело и

поэтому нужно поручить вам специально по этому поводу расследование. Это первое.

Протопопов. — Я это отрицаю. Я говорил, что это дело судебной власти.

Председатель. — Второй вопрос: было ли у вас, параллельно судебной власти, дознание?

Протопопов. — После того, как передано было судебной власти, нет.

Завадский. — Вы изволили упоминать об Орлове, председателе патриотического союза в Москве; вы говорили, что он нагло себя вел, может быть вы припомните, что он в 1917 году подавал вам докладную записку о необходимости...

Протопопов. — Да ведь они пишут ужасные вещи, много я их получал записок, не от него одного.

Председатель. — Давайте пока ограничимся Орловым и его запиской.

Завадский. — Записка, на которой, насколько мне известно, нашей- рукой написано «Анне Александровне». Не делали ли вы резолюцию?

Протопопов. — Очень может быть.

Завадский. — Кто это Анна Александровна?

Протопопов. — Вырубова.

Завадский. — Я на это обращаю внимание; какая-то докладная записка к вам, как министру внутренних дел обращенная, а вы Вырубовой...

Протопопов. — Потому что, вероятно, содержание было интересно.

Председатель. — Да позвольте, какое отношение к вам, министру внутренних дел, имел Орлов, которого вы так аттестуете, который подает записку...

Протопопов. — Это я потом узнал.

Председатель. — Когда вы узнали про Орлова, что он скверный человек?

Протопопов. — В феврале.

Председатель. — Хорошо. Хороший человек Орлов- министру внутренних дел дает какую-то записку, и министру- внутренних дел делает на ней надпись: «Сообщить Анне Александровне».

Протопопов. — Это потому, что очень часто невозможно было показывать государю все, что может быть интересно, вероятно там был какой-нибудь интересный экономический вопрос.

Председатель. — Мой вопрос ясен: какая связь между министром внутренних дел и Анной Александровной Вырубовой?

Протопопов. — Потому что она была постоянно дежурной, потому что она жила во дворце.

Председатель. — Значит что же, министр внутренних дел находил нужным знакомым дежурным фрейлинам передавать бумаги, которые поступали к нему по должности министра?

Протопопов. — Отчего же? Тут ничего страшного нет, тут нет секретов.

Председатель. — Эта записка подана министру внутренних дел, какая же связь? По прежним законам, министр имел право в известном порядке делать доклад государю, но какая же связь между министром старого режима и Анной Александровной Вырубовой?

Протопопов. — Знакомая, которая во всякое время может прочесть и передать.

Председатель. — Часто бывало, что записки и доклады, поданные вам, как министру внутренних дел, вы направляли...

Протопопов. — Не особенно часто, но бывало, потому что весьма часто интересные вещи неловко посылать. Дело в том, что послать всеподданнейший доклад — это целая история, а если послать это дежурному флигель-адъютанту, Вырубовой — дежурной фрейлине, или коменданту, то во всякое время могут улучшить момент, чтобы доложить.

Председатель. — У вас бывали случаи, когда вместо того, чтобы официально посылать в Царское, вы посылали в частном порядке или коменданту или дежурной фрейлине? Вырубова при ком была дежурной фрейлиной в Царском Селе?

Протопопов. — Она постоянно жила во дворце и постоянно бывала...

Председатель. — Я задаю вопрос, при ком она дежурила?

Протопопов. — При государыне.

Председатель. — Значит, бывшему государю вы посылали через эту фрейлину сообщения?

Протопопов. — Если это было интересно, если не интересно, то она могла бросить.

Председатель. — Значит, для сообщения бывшему государю?

Протопопов. — Иной раз.

Председатель. — Какая связь законная между министром внутренних дел и государыней императрицей?

Протопопов. — Как же Александре Федоровне я мог передавать записки?

Председатель. — Вы все можете сделать, а я спрашиваю — по закону?

Протопопов. — А разве это противозаконно? Смотря что. Например, если бы я стал показывать в высокой степени секретные документы. Может быть я недостаточно вдумался и не оценил всю важность той записки, о которой мне докладывал Степанов, поверив ему на слово, что это пустяки. И вот такую записку, если бы я оценил ее важность, я бы усомнился, что нужно показать государыне, а я показал бы ее царю; а если это есть более или менее интересная вещь, но не секретного свойства...

Председатель. — Скажите, пожалуйста, с какой точки зрения вас заинтересовала та записка, которую вам подал Орлов?

Протопопов. — Вероятно, с точки зрения экономической?

Председатель. — Что значит экономической?

Протопопов. — Там вероятно что-нибудь по продовольствию было.

Председатель. — Значит, по поводу продовольствия вы находили нужным через дежурную фрейлину сообщать бывшей государыне?

Протопопов. — Я много посылал таких любопытных записок. То, что казалось мне любопытным, я посылал.

Председатель. — Любопытной, с какой точки зрения и в каком отношении?

Протопопов. — Ну, интересное по продовольствию, например. Мне показались мысли здравые. Мне помнится, что этот господин хороший, Орлов, именно об этом писал.

Председатель. — Какая же связь между министром внутренних дел, интересной вещью в продовольственном отношении и государыней императрицей?

Протопопов. — Александра Федоровна живо интересовалась такими делами, как продовольствие.

Председатель. — Вы ведь признавали продовольственный вопрос важным вопросом того времени?

Протопопов. — Безусловно, и всякого рода полезную мысль о нем я бы с радостью протолкнул в жизнь, если бы меня хватало.

Председатель. — Значит, вы сообщали для того, чтобы проталкивать в жизнь?

Протопопов. — Нет, просто, как мысль. Ведь я должен сказать, что ко мне отношение со стороны Александры Федоровны было очень ласковое и оттого, быть может, я так просто поступал.

Председатель. — Скажите, что же бывшая государыня при встречах ваших с ней и представлениях беседовала с вами по продовольственному вопросу?

Протопопов. — Постоянно.

Председатель. — По какому вопросу еще беседовали вы?

Протопопов. — По всем вопросам злободневным.

Председатель. — Злободневным в государственном отношении?

Протопопов. — В государственном.

Председатель. — Какие были результаты?

Протопопов. — Никаких особенных. Бывало так, что государь, императрица, Воейков, фрейлины и я бывали вместе и разговаривали на общие темы.

Завадский. — В каких отношениях вы были с Нарышкиной вдовой?

Протопопов. — Только в письменных. Она мне написала письмо, первое письмо она написала государыне, государыня дала мне прочесть. Она старая женщина, и государыня к ней относится ласково, снисходительно; это первое письмо, а потом я получил от нее письмо и сейчас же я ответил. Мне помнится, как мне трудно было ответить, потому что я был очень уставши. Она мне ответила, но несколько бранным письмом, что до меня трудно добраться.

Завадский. — Какая сущность этих писем?

Протопопов. — В одном из них она бранила Салтыкова и Волконского. Она вечно бранилась. Затем она Государственную Думу бранила.

Завадский. — Значит, она к вам обращалась, как к единомышленнику?

Иванов. — Вы считали, что только в единении с общественными силами дело возможно вести с успехом, что совершенно правильно; как же это связать с вашими мерами о недопущении, не только недопущении, но разгоне полицейскими силами съездов в Москве и кого же? Земских деятелей, городских голов, которые собрались на этот съезд по программе вам известной — рассмотреть продовольственный вопрос о снабжении и продовольствии армии и между прочим о других мерах, которые должны были удовлетворить армию. Я бы желал знать, какая связь между вашим правильным взглядом и этими мерами?

Протопопов. — Ко мне приехал полковник Грузинов, председатель управы и сказал, что им мешают собраться для того, чтобы обсудить вопрос продовольственный, потому что тогда, помнится, постановлением Совета Министров были запрещены съезды. Я говорю: «Это не может быть». — «Как это можно, чтоб запрещали съезды, когда вы его разрешаете», — говорит он. Я говорю: «Конечно». Тогда он поехал к Мрозовскому и сказал, что я разрешил съезд председателям губернских и земских управ, и тогда же тут была вынесена резолюция, очень резкая. Вот как это случилось в первый раз. Я тогда был в положении несколько растопыренном, потому что он сказал Мрозовскому, что они собрались с моего разрешения, а сами вынесли резкую политическую резолюцию. Потом это дело рассматривалось в Совете Министров. Тут постановлено было уже съездов не допускать, таким образом, они были запрещены. Потом, когда члены съезда явились явочным порядком, тогда уже, конечно, в Москве съезда не допустили.

Иванов. — Может быть вы припомните, какая резолюция была вынесена после того, как съезды не были допущены. Вот как было, резолюция, которая была вынесена собравшимися, она была действительно вынесена явочным порядком, как вы говорите, но после того, как они были разогнаны городскими.

Протопопов. — Да, может быть. Грузинов не выносил никакой резолюции?

Иванов. — Никакой, эта резолюция была после.

Протопопов. — А на грузинском съезде что-то было, я помню что-то было.

Иванов. — Скажите, пожалуйста, оба ваши товарища убеждали вас оставить место в виду создавшегося положения?

Протопопов. — Нет, Бальц не говорил, а говорил Волконский. Волконский раз мне сказал: «Ты на меня не рассердишься, я бы на твоём месте ушел». Я ничуть не рассердился.

Председатель. — Почему же он вам посоветовал, он представил вам доводы?

Протопопов. — Ничего не сказал — «Вот ты рассердился, я ничего тебе больше не скажу» — напрасно, а потом, главное то, что я три раза просился уйти.

Смиттен. — Вы как раз подходите к вопросу, который меня интересует. Вы три раза просились уйти, это были просьбы в виде письменных докладов?

Протопопов. — Нет, я лично просил государя.

Смиттен. — Значит, никаких письменных следов не может быть?

Протопопов. — Нет.

Смиттен. — Как же я могу согласовать ваше заявление о том, что вы три раза просились уйти, с вашим же заявлением о том, что если бы вас не очень обидели в Государственной Думе, если можно так выразиться, если бы вы на зло не хотели остаться...

Председатель. — Это формулировка не ваша, а члена Комиссии.

Смиттен. — Я хотел правильное войти в вашу мысль. Как связать эти два положения?

Протопопов. — Я вот что хотел сказать: если бы у меня не было чувства озлобленного, затравленного человека, я бы сумел найти и выражения и способы уйти, а мне до известной степени этого не хотелось, потому что, если с одной стороны меня травят, а с другой стороны встречаю я ласку, какую я встречал, я размякал.

Смиттен. — Меня интересует еще один вопрос: скажите, пожалуйста, бывали ли случаи, что вы через Распутина представляли на усмотрение государя или государыни какие-либо сведения, казавшиеся вам интересными или любопытными, касавшимися положения государства?

Протопопов. — Нет.

Смиттен. — Это совершенно исключается?

Протопопов. — Да.

Смиттен. — А известно вам было, что Распутин с Вырубовой находились в хороших, близких и тесных отношениях?

Протопопов. — Как? Вот я думаю, что это не так.

Председатель. — Т.-е. мы говорим в смысле отношений дружеских, принадлежности к одному кружку. Это вам было известно?

Протопопов. — Я знал.

Смиттен. — Если вам было это известно, вы через Распутина никаких сведений не представляли, потому что вы это исключаете, представляли ли вы через Вырубову

только такие сведения, которые, по вашему мнению, были интересные, но секрета не представляли, или такие, которые вы бы Распутину не сказали, которые вы бы не направили через Распутина?

Протопопов. — Распутин не понял бы, я не стал бы с ним говорить. Распутина я редко видел.

Председатель. — Что же, вы считали Распутина глупым?

Протопопов. — Нет, умным, но неразвитым человеком.

Смиттен. — Был ли в бытность вашу министром внутренних дел такой перерыв по болезни, что вы как будто были не у дел, приблизительно, месяца полтора?

Протопопов. — Было месяца полтора.

Смиттен. — Верны или неверны были сведения печати, что вы продолжали посещать Царское Село?

Протопопов. — Продолжал. Я раза два был.

Смиттен. — Вы ездили для доклада государю?

Протопопов. — Помнится к государыне.

Смиттен. — Представляли ли вы какие-либо доклады служебного характера?

Протопопов. — Нет, с государыней были обыкновенные разговоры, были, конечно, и характера делового, главным образом о продовольствии шла речь, но ведь продовольствие не в моих руках.

Смиттен. — Я прямо поставлю вопрос: какие-нибудь доклады верховной власти представлялись через государыню, а не непосредственно государю?

Протопопов. — Т.-е. всеподданнейшие доклады? Никогда. Шли иной раз какие-нибудь заметки мои личные, даже по большим вопросам.

Председатель. — Что значит заметки и что значит соображения?

Протопопов. — Так, например, полезные в той или другой мере даже общегосударственного характера.

Председатель. — Например?

Протопопов. — Я думал об ответственном министерстве перед судом. Это я непосредственно докладывал государю.

Председатель. — А какие другие вопросы?

Протопопов. — Я сам не припомню, какие.

Смиттен. — Вы помните, какие такие бывали случаи?

Протопопов. — Например, справка о количестве муки, о провианте, о таких вещах очень часто я говорил. Я говорил, в каком положении текущие дела, но ведь это я говорил частным образом, а не официально, а всеподданнейшие доклады шли прямо непосредственно, даже последнее время определенная была наклонность у государя не впутывать государыню в эти дела. В последнее время это было довольно ярко.

Председатель. — В какое последнее время?

Протопопов. — После истории убийства Распутина, главным образом. Вот вы изволили меня спросить, настаивал ли я на радикальных мерах. Я говорил, что радикальные меры нельзя применять в этом случае, ибо страшный шум поднимается и то, что я сказал нехотя у Александра Михайловича, потому что он меня плохо принял, то я постарался провести в жизнь, и резкие меры не были приняты.

Смиттен. — Вы помните 14-е февраля, этот день, который был назначен для открытия Государственной Думы после перерыва. В виду нервного настроения страны и ожидавшихся, как вы говорили, беспорядков, представляли ли вы какие-нибудь всеподданнейшие доклады по этому вопросу?

Протопопов. — Нет.

Смиттен. — Никаких?

Протопопов. — Нет.

Смиттен. — А с государыней императрицей вы имели разговор?

Протопопов. — Конечно.

Председатель. — Почему вы говорите — конечно, да?

Протопопов. — Потому что я часто с ней виделся. Каждый раз после доклада государю, а доклады бывали два раза в неделю, я приходил к государыне, и мы просто разговаривали.

Смиттен. — Передавали вы, какие меры приняты?

Протопопов. — Подробности я никогда государыне не сообщал.

Смиттен. — Вы говорили в качестве дилетанта или как министр внутренних дел, который владеет вопросом, о том, как государственный механизм, или аппарат, хочет реагировать на ожидаемые события?

Протопопов. — Я никаких мер не принимал, ибо, опять повторяю, я считал...

Смиттен. — Я спрашиваю, извещали вы ее о тех сведениях, которыми вы владели по вопросу, о тех мерах, которые государство полагает принять в случае возникновения событий, которые ожидалось 14 февраля?

Протопопов. — Никаких подробностей, никаких проектов я государыне не представлял.

Соколов. — Вы уже сообщили, что бывали такие случаи, когда вы, император и молодая императрица, Вырубова и Воейков совместно беседовали о разных вопросах. Кроме этих перечисленных лиц, бывал ли кто-нибудь из придворных на таких беседах?

Протопопов. — Чтобы быть точным, это было только раз в Ставке, в вагоне императрицы. После доклада государь позвал меня пить чай в своей семье.

Соколов. — Когда это было, тогда беседа шла на политические темы?

Протопопов. — Нет, просто пустяки.

Соколов. — Там было несколько лиц. Кого вы из лиц, живущих в Царском Селе, могли причислить к рангу близких лиц, как Воейков и Вырубова?

Протопопов. — Думаю, никого.

Соколов. — Больше никого, значит это были самые близкие люди?

Протопопов. — По-моему, да.

Соколов. — Вы сказали, что частью непосредственно императрице, частью Вырубовой направляли записки, беседовали о продовольственных вопросах, о физиократах, — как вы можете характеризовать политическую систему или программу императрицы во внутренних реформах?

Протопопов. — У нее не было, по-моему, программы, и вообще она касалась дел, но не брала их. Она вникала, давала какие-нибудь советы и указания.

Соколов. — Но каково было ее направление, симпатизировала она правым течениям русского общества или более либеральным?

Протопопов. — Скорее правым.

Соколов. — Так что правые деятели завоевали у нее большую симпатию?

Протопопов. — Я не могу этого сказать. Она сама по себе твердый, в смысле конституции, человек и если бы от нее зависело дать что-нибудь, например, конституцию, она ее бы соблюла, она заграничная женщина. Она очень хорошо говорит по-русски, по-английски тоже очень хорошо говорит, и эта складка английская у нее очень сильная.

Соколов. — Но по направлению более правая?

Протопопов. — Про нее англичане сказали бы: «very conservatory».ⁱⁱⁱ

Председатель. — Истинно консервативный человек.

Соколов. — Вы сообщали о текущих событиях, о возможности народного движения. Не приходилось ли вам касаться причины этого движения, указывать, что общественная среда, народная среда, недовольна определенным направлением политической жизни и выставляет такие-то и такие-то требования?

Протопопов. — Я должен ответить совершенно откровенно, что я был убежден до сего времени и только в последнее время очевидность меня разубедила, что российская политика покоится на экономике страны, — это было мое личное мнение. Я думал дать все, что нужно стране, для того, чтобы она существовала и достигала своего счастья. Достаток этот дал бы досуг, а досуг первый друг образования; политических задач, ясно созревших, по моему мнению, не было. Это было мое мнение. Конечно, был определенный строй в государстве — интеллигенция, которая жила известной мыслью, это я понимал, но чтобы весь народ был проникнут этой мыслью, я этого не думал.

Соколов. — Заходила ваша беседа о том, что следует или не следует уступать требованиям: ответственное министерство, дать политическую свободу?

Протопопов. — Совершенно верно, я думал, что теперь нужно идти только с Думой вместе.

Соколов. — А как думал император или молодая императрица?

Протопопов. — Император со мной согласился, что эта мысль недурная.

Соколов. — А соглашался, что остальным требованиям не нужно уступать?

Протопопов. — Говорил: «Пожалуй», — он никогда прямо не отвечал.

Соколов. — А императрица как держалась?

Протопопов. — Я с ней не говорил.

Соколов. — Вы знали, что готовится 14 февраля движение народных рабочих масс к Государственной Думе. Ведь вы сознавали, что это движение не экономическое, а политическое, движение не интеллигентных верхов общества, а движение рабочих масс. Как к этому движению относилась императрица в разговоре с вами?

Протопопов. — С ужасом. Она боялась этого, говорила: «О, что будет, о, что будет». Вот какое чувство было. А я, грешный человек, я так плохо разбирался во всем этом деле, что я теперь прямо изумляюсь, до какой степени я не понимал; в настроении Государственной Думы не разобрался совершенно, и теперь, сидя в этой камере, явилось такое чувство, что другие министры знали гораздо больше, чем я, и что я один был настолько недалководен, что я этого не чувствовал и не понимал.

Соколов. — В разговоре с императрицей по поводу 14 февраля вам никогда не приходилось говорить, что может быть не столько надо заботиться о 12 тысячах войск, сколько издать государственный акт, направленный в сторону удовлетворения общественных требований?

Протопопов. — Это она понимала.

Соколов. — Она считала нужным это сделать?

Протопопов. — Она соглашалась с той реформой, о которой я всегда говорил. Столыпин когда-то говорил: «Сначала успокоение, а потом реформы». Я говорил, что нужно успокоение и реформы вместе, и она соглашалась.

Соколов. — Вы говорите, что были недалководны и близоруки. Значит, вы не придавали политического значения движению 14 февраля?

Протопопов. — Я должен был придавать потому, что итог получился критический, но мне казалось, что главный двигатель, это недостаток продовольствия.

Председатель. — Какие были ваши главнейшие реформы?

Протопопов. — По-моему, нужно было сделать ответственное министерство, начать сверху, а затем полное равноправие евреев, оно есть на бумаге, а потом мое письмо или, вернее, циркуляр, который уже исполняется в Москве. Затем, я думал, что обязательно нужно дать духовенству возможность жить не подачками, а обеспечить его.

Председатель. — Дать жалованье духовенству? Значит: судебная ответственность министров, расширение прав евреев и жалованье духовенству?

Протопопов. — Это ближайшее, но, конечно, земства, земства и земства.

Соколов. — Вы думали, что этими реформами можно было остановить движение 14 февраля?

Протопопов. — Ох, думал, что нет.

Соколов. — Значит, ваши мысли, связанные с движением 14 февраля, были только репрессивные.

Протопопов. — Нет, это политические.

Председатель. — Вы думали, что судебною ответственностью министров, расширением прав евреям, жалованьем духовенству, земством, вы думали, что этим не удовлетворишь народ?

Протопопов. — Нет, я так не думал, я плохо выразился. Мне казалось так, что если остановится это движение, смолкнет, сделается тише, в это время и давать то, что требуется, что назрело.

Председатель. — Т.-е. то, что вы говорите.

Протопопов. — Да.

Соколов. — Значит, вы движение 14 февраля решили остановить только силой, ничем другим. Вы сказали, что в разговоре с государем и государыней раздавались такие опасения: «Что-то будет»...

Протопопов. — Я и сам говорил.

Соколов. — Раз вы против этого сильного значительного движения имели только силу, вы должны были предвидеть, что столкновение сильного народного движения с силой войска может привести к кровавому и жестокому побоищу?

Протопопов. — Конечно, это нужно было предвидеть.

Председатель. — Вы предвидели?

Протопопов. — Ведь был весь план разработан, насколько я понимаю. Я там никогда не был.

Соколов. — Насколько я усвоил ваше показание, вы говорили, что вам сообщали, что в народных массах ваше имя было окружено сильной нелюбовью.

Протопопов. — Рабочим я не верил.

Соколов. — А чему вы верили? Вам это передавали?

Протопопов. — Мне сказали это министры в день моего ухода.

Соколов. — Вы говорили, что когда вам сообщал департамент полиции о том, что готовится движение, то агенты Министерства Внутренних Дел указывали, что ваше имя окружено известной нелюбовью.

Протопопов. — Нет, извините.

Соколов. — Это я неверно понял. У вас не являлось такой мысли, что в числе других мер, которые могли бы ослабить силу народного движения, был бы ваш уход в отставку?

Протопопов. — Я это и государю сказал: «Государь, я чувствую, что я не могу быть полезным, потому что я заплеван», это буквальное выражение, которое я сказал.

Председатель. — Вы на 4-е место поставили земство. Вы сказали: «Земство, земство и земство». Как вы понимали это?

Протопопов. — Расширение средств земства, по-моему, применение того, что Дума разработала, изменение земского закона. То земство, которое сейчас есть, оно неудобно.

Председатель. — Нам интересно знать ваш взгляд на земскую реформу и ее пределы.

Протопопов. — Я бы пошел в тех рамках, какие предназначались Думой, т.-е. до 1/10 ценза.

Смиттен. — Пересмотр содержания полиции — при вас эта инициатива возникла?

Протопопов. — Нет, ей уже пять лет.

Председатель. — Но все-таки пять лет лежавший проект вы провели в жизнь.

Протопопов. — По 87-й статье.

Председатель. — Теперь относительно причин.

Протопопов. — Потому что были забастовки.

Родичев. — Известны ли были вам обстоятельства увольнения А.А. Хвостова?

Протопопов. — Нет, неизвестны.

Родичев. — Вступая на министерский пост по приглашению Штюрмера, вы не озаботились узнать, за что уволен А.А. Хвостов?

Протопопов. — С Хвостовым я виделся несколько раз.

Родичев. — Считали вы Штюрмера честным человеком?

Протопопов. — Я его не знал.

Родичев. — Когда вы перестали считать Штюрмера честным человеком?

Протопопов. — Я не могу сказать, разрешите мне несколько уклониться от этого ответа.

Родичев. — Вы выразились так, что «потом» перестали считать.

Протопопов. — Я не берусь его судить, я фактов никаких не имею.

Родичев. — Вы фактов никаких не знаете? А Манасевича-Мануйлова вы считали честным человеком?

Протопопов. — Определенным мерзавцем.

Родичев. — Вы знали о связи Манасевича-Мануйлова со Штюрмером?

Протопопов. — Определенно говорю — нет.

Родичев. — Позвольте спросить, когда вы узнали о связях Манасевича-Мануйлова со Штюмером, вы не перестали считать Штюмера честным человеком?

Протопопов. — Дело в том, что Штюмер совершенно отрицает всякую связь.

Родичев. — Но ведь судебное разбирательство было и было прекращение дела Манасевича-Мануйлова. Вы знали об этом или нет?

Протопопов молчит, разводит руками.

Родичев. — Вы знали об уходе Макарова в отставку?

Протопопов. — Нет, я не знал; он ушел, когда я был болен.

Родичев. — А выздоровевши вы не узнали, что дело Манасевича-Мануйлова разбиралось. Вы узнали о нем? Вы и тут не перестали считать Штюмера честным человеком?

Протопопов разводит руками.

Родичев. — Александра Федоровна и император тоже считали Штюмера честным человеком?

Протопопов. — Они искренно считали, что это добрый старик.

Родичев. — Им была известна прежняя роль Штюмера?

Протопопов. — Думаю нет.

Родичев. — После первого ноября продолжали считать честным человеком?

Протопопов. — Их мнение очень пошатнулось.

Родичев. — Скажите, после роспуска Думы, совершились крупные перемены, например, назначение 16 членов в Государственный Совет. Это назначение 16 членов состоялось с вашего ведома или без вашего ведома?

Протопопов. — При чем же я?

Родичев. — Как при чем? — это был акт сопротивления стране. Это акт уничтожения возможности тех законов, о которых вы проектировали.

Председатель. — Скажем, акт Совета Министров.

Протопопов. — Нет, нет, господа, извините.

Родичев. — Значит, министерство и вы не знали о предположениях...

Протопопов. — Это государь назначает. Я определенно не знаю. Я просил только за Куколя.

Родичев. — Почему вы не возвестили о ваших реформах, о которых вы так теперь рассказываете?

Протопопов. — Как не возвестил?

Родичев. — О еврейской реформе, вы возвестили? Когда Думу открыли, Штюмер мог заявить о вашей программе.

Протопопов. — Он про это не знал.

Родичев. — Не знал, это секрет? Как рассчитали проводить программу, например, освобождение евреев, тогда как назначали таких людей, как Чаплинский в Государственный Совет?

Протопопов. — Позвольте вам доложить, что я не так хотел провести, я хотел провести через Совет Министров.

Родичев. — По 87-й статье?

Протопопов. — Хотя бы и по 87-й статье.

Родичев. — Довольно.

Протопопов. — Хотя бы по 87-й статье и, конечно, законодательным порядком, а не обыкновенным, — это есть 87-я статья, в зависимости, конечно, от положения.

Председатель. — Скажите, за время вашей болезни, вы сохраняли общее руководство министерством?

Протопопов. — Да.

Председатель. — Значит, не так были больны, чтобы не руководить.

Протопопов. — Нет, я не так был болен, я просто отошел от дела.

Председатель. — Это не была болезнь физическая?

Протопопов. — Нет, она была физическая.

Председатель. — Но вы в состоянии были заниматься общим делом? Вы не знали об уходе министра Макарова?

Протопопов. — Как не знал, конечно, знал.

Председатель. — Вы не знали о причинах ухода?

Протопопов. — Слышал, что он поехал с Треповым в Ставку; были ультимативные требования.

Председатель. — Какие?

Протопопов. — Чтобы пять или шесть министров уволить.

Председатель. — Т.-е. ультимативные требования чьи?

Протопопов. — Трепов и Макаров вместе поехали.

Председатель. — Они поехали в Ставку, и у обоих были ультимативные требования. Значит Макаров ушел, а Трепов остался.

Протопопов. — Они вместе ушли.

Соколов. — А вы не знаете, что в числе этих ультимативных требований была и ваша отставка?

Протопопов. — Знаю, я сам лично с ней ездил в Ставку. После этого у меня с Треповым был разговор.

Соколов. — Какой разговор?

Протопопов. — Он говорил разные любезности. Говорил: «Александр Дмитриевич, мне бы хотелось, чтобы вы ушли в отставку, вы мне мешаете».

Председатель. — Какие 50.000 тысяч вы получили от директора Соединенного банка?

Протопопов. — Под мой вексель. Я выдал векселя, они находятся налицо.

Председатель. — Это было до вашего ареста?

Протопопов. — Я сто тысяч подписал на муку и выдал бланк на покупку муки для лавок общества борьбы с дороговизной, и так как муки было мало, а заведующий этим делом мог купить быстро и может быть даже по повышенным ценам, тогда я ему эти деньги и финансировал.

Председатель. — Вы финансировали эти деньги, как А. Д. Протопопов или как министр внутренних дел?

Протопопов. — Меня просили подписать — «Министр внутренних дел А. Протопопов». Бурдуков достал эти деньги и так просили подписать. Я спросил государя, могу ли я так подписать, и он разрешил. Это есть заемное письмо.

Председатель. — Значит, вы у государя спрашивали, можно ли подписаться «Министр внутренних дел А. Протопопов» на заемном письме в сто тысяч? К чему вы это спрашивали?

Протопопов. — Я ему рассказал, что нужны деньги на такую-то вещь и что для скорости разрешите мне это подписать.

Председатель. — Я что-то совершенно ничего не понимаю; что же в государственном казначействе нет денег?

Протопопов. — Страшно долго доставать, а потом — это безопасно потому, что это вернется.

Председатель. — Значит, вы государю императору докладывали о необходимости достать деньги в Москве в Соединенном банке.

Протопопов. — Нет, это особая статья. Это здесь в Петрограде.

Председатель. — Значит, вам нужно сто тысяч на муку и вам долго достать из казначейства, поэтому вы даете вексель банкиру и спрашиваете, можно ли вам подписаться, как министру внутренних дел. Это для ста тысяч?

Протопопов. — Да.

Председатель. — А пятьдесят тысяч?

Протопопов. — Это мой личный вексельный банк «en blanc».

Председатель. — Значит, эти пятьдесят тысяч вы взяли под ваш бланк?

Протопопов. — Под мой вексель.

Председатель. — Какое же значение имеет вексель в сто тысяч?

Протопопов. — Эти деньги получены и отданы на покупку муки.

Председатель. — Вы достали и пятьдесят и сто тысяч. Сто тысяч у директора Соединенного банка?

Протопопов. — Первые через Бурдукова.

Председатель. — У кого?

Протопопов. — У Мануса.

Председатель. — Вы достали деньги, испросив на то разрешение государя императора?

Протопопов. — Позвольте доложить, что государю я не докладывал так подробно, как вам говорю. Я сказал, что нужны деньги на покупку муки и что я думаю, что банк потребует, чтобы я подписал, как министр, будет больше ручательства, и что могу ли я это сделать? Он посмотрел на меня и сказал — «Как вы думаете?» Я говорю — «Думаю, могу». — «Ну что же». — Вот собственно, как дело было.

Председатель. — Куда же вы эти деньги внесли?

Протопопов. — Они переданы заведующему торговой частью Кушнырь-Кушныреву, который ведаёт делами общества.

Председатель. — Значит, вы передали Кушнырь-Кушныреву как министр внутренних дел и получили расписку?

Протопопов. — Несомненно, получил расписку.

Председатель. — Где эта расписка?

Протопопов. — Я думаю, что она у Бурдукова, который тоже состоит при Министерстве Внутренних Дел.

Председатель. — Вы подписали?

Протопопов. — Бурдуков все дело делал, но я не успел взять расписки.

Председатель. — Значит, не вы внесли Кушнырь-Кушныреву, а вы только распорядились, чтобы внесли.

Протопопов. — Это было так недавно, я не мог узнать после.

Председатель. — Кушнырь-Кушнырев, это распорядитель, как вы говорите...

Протопопов. — Общества борьбы с дороговизной.

Председатель. — Одним словом, он имеет отношение к обществу борьбы с дороговизной?

Протопопов. — Если вы его спросите, он вам доставит расписку, это человек известный.

Председатель. — Как зовут Бурдукова?

Протопопов. — Николай Федорович. Это общество уже существовало, не я его завел, оно существовало на заемные деньги.

Председатель. — Это частное общество или официальное?

Протопопов. — Частное.

Председатель. — Почему же у министра внутренних дел возникает разговор с государем?

Протопопов. — Потому что этим обществом содержится 16 лавок, и очень жалко, что 16, лучше было бы 116, это было бы очень полезно.

Соколов. — У Бурдукова какое положение?

Протопопов. — Он шталмейстер, состоит при Министерстве Внутренних Дел.

Председатель. — Состоит при Министерстве Внутренних Дел?

Соколов. — Посещал он Бадмаева?

Протопопов. — Нет.

Соколов. — В каких он отношениях с Андрониковым.

Протопопов. — Терпеть друг друга не могут.

Соколов. — Бурдуков имел сношения с Распутиным?

Протопопов. — Да, конечно.

Соколов. — Почему вы думаете, что конечно?

Протопопов. — Потому что я знал.

Соколов. — Какие у них отношения с Распутиным?

Протопопов. — Не знаю.

Соколов. — Распутин у него бывал и он у Распутина?

Протопопов. — Я думаю и так и сяк.

Соколов. — Манус близкий человек Бурдукова?

Протопопов. — Думаю, да. — Я Мануса видел один раз у него и затем один раз он ко мне приходил.

Соколов. — По какому делу он у вас был?

Протопопов. — Он приехал вечером ко мне, потому что днем я был занят; у него были разного рода финансовые планы, он говорил, говорил без конца.

Соколов. — Вы, кажется, знакомы были с Дмитрием Рубинштейном?

Протопопов. — Я его знал, но не был знаком.

Соколов. — Не бывали?

Протопопов. — Не бывал.

Соколов. — Вы знаете, что Манус и Рубинштейн в финансовом мире были соперниками?

Протопопов. — Они друг друга не долюбливали.

Соколов. — А Манус с Рубинштейном знакомы были?

Протопопов. — Не знаю.

Соколов. — Если Бурдуков был близок с Распутиным и знаком вместе с тем с Манусом, не мог ли он, враждебно относясь к Рубинштейну, использовать свое влияние на Распутина для борьбы с Рубинштейном?

Протопопов. — Я не думаю, вряд ли он имел влияние на Распутина, напротив, он, кажется, хорошо относился к Рубинштейну.

Соколов. — Он бывал у него?

Протопопов. — Не знаю.

Соколов. — Может быть обратно: Рубинштейн мог использовать влияние на Распутина для борьбы с Манусом.

Протопопов. — Я не знаю.

Родичев. — Манус не был произведен в действительные статские советники при вас?

Протопопов. — При мне не был, но я слышал об этом.

Родичев. — А не слыхали ли вы, что здесь было влияние Распутина.

Протопопов. — Я не слыхал, но допускаю.

Родичев. — Манус был тот человек, за которого Распутин был способен хлопотать, чтобы его произвели в статские советники?

Протопопов. — Я мало его знаю.

Председатель. — Вам неизвестно, кем основано общество борьбы с дороговизной, когда и кем?

Протопопов. — Кажется, при Хвостове.

Родичев. — При открытии этого общества была произнесена речь Степановой-Дезобри о том, что война нужна богачам Гучкову и Коновалову, а рабочим не нужна. Такого обстоятельства вы не помните?

Протопопов. — Господи Иисусе, где это было?

Родичев. — Это было при Хвостове, председательствовавшем на открытии этого общества, которому вы сто тысяч передали; Степанова-Дезобри произнесла эту речь.

Протопопов. — Ведь эту лавку очень любят рабочие.

Председатель. — Лавку-то любят, а какая цель у общества?

Протопопов. — Давать продукты дешевле.

Смиттен. — Вы говорите дешевле давать продукты, а перед тем вы говорили, что сто тысяч дали, цель этого заключалась в том, чтобы достать хлеб по какой угодно, хотя бы по повышенной цене. Какую роль Бурдуков играл. Почему через Бурдукова производили эту операцию.

Протопопов. — Потому что он часто ко мне ездил. Он кавалерийского училища.

Смиттен. — Это было ваше поручение Бурдукову — операция с лавками?

Протопопов. — Нет, простите, я поручил ему взять сто тысяч в банке.

Смиттен. — Это поручили вы ему устроить.

Протопопов. — Да.

Смиттен. — А что, Бурдуков, как шталмейстер, не мог бы исходатайствовать всеподданнейший доклад для того, чтобы ходатайствовать об этом.

Протопопов. — Никоим образом.

Смиттен. — Не казался ли вам исключительным такой случай, чтобы вы из-за 16-ти лавок представляли бы всеподданнейший доклад.

Протопопов. — Это не всеподданнейший доклад, а просто доклад государю.

Председатель. — Но всеподданнейший доклад все-таки. Господа, я думаю, что мы вероятно утомили вас. Значит, мы сделаем теперь перерыв.

Протопопов. — В чем не так ответил, прошу извинить меня, во всяком случае прошу быть снисходительными, потому что я плохо соображаю. Вы понимаете, что, когда месяц просидишь в этой камере, больной... Покорнейше прошу меня извинить.

Примечания:

ⁱ (фр.) Аппетит приходит во время еды.

ⁱⁱ Слово «Германией» неразборчиво, отчётливо видна только «й». Восстановлено по смыслу.

ⁱⁱⁱ Правильно «*very conservative*» — очень консервативная.